

ПАРАБЕЛУТ

СССР, XXII ВЕК: ВОЙНА В КОСТОСЕ

Анискова Бурносов Вереснев Волков Гаркушев Гелприн
Гутеров Игнатьев Нигит Лапинов Сальников Ситников Погуляд

Юрий Бурносов

**Парабеллум. СССР, XXII век.
Война в космосе (сборник)**

«Снежный Ком»

2014

Бурносов Ю. Н.

Парабеллум. СССР, XXII век. Война в космосе (сборник) /
Ю. Н. Бурносов — «Снежный Ком», 2014

XXII век. СССР не погиб на пике своего могущества. Великая социалистическая держава триумфально вышла в космос и вот уже два столетия несет увенчанное серпом и молотом знамя в отдаленные уголки марсианских пустошей и астероидного Пояса. Но не дремлют и могущественные враги – Космический Рейх, Европейский Альянс, Сфера Сопроцветания и Соединенные Штаты. По расчетным орбитам движутся Звезды Смерти, крошат гусеницами марсианский грунт бронеходы Гудериана, вгрызаются в изъеденную метеоритами лунную поверхность мехкомплексы артиллерийской поддержки... И все же нет таких крепостей, которых не смогли бы взять десантники в силовой броне с алыми звездами, простые советские парни и девчонки, бойцы Ракетно-Космической Красной Армии. Маститые писатели и начинающие таланты с ностальгией о неслучившемся советском будущем в новой антологии от Сергея Чекмаева и «Снежного Кома М»!

© Бурносов Ю. Н., 2014

© Снежный Ком, 2014

Содержание

Майк Гелприн, Наталья Анискова	5
1. Олег	5
2. Олег	7
3. Олег	8
4. Грета	9
5. Олег	11
6. Лаура	13
7. Олег	15
8. Олег	16
9. Олег	17
10. Олег	18
11. Лаура	19
12. Олег	20
13. Грета	21
14. Олег	23
15. Лаура	24
16. Грета	25
Юрий Бурносов	26
Сергей Игнатъев	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Парабеллум. СССР, XXII век. Война в космосе (сборник) составитель Сергей Чекмаев

**Майк Гелприн, Наталья Анискова
Мой человек из СССР**

1. Олег

Теряя скорость, самолет прокатился по взлетно-посадочной, заложил под конец крутой поворот и вырулил к ангару.

Полковник Лунев встречал меня у трапа. Мы обменялись рукопожатием.

– Ну как там? – Голос у полковника едва ощутимо дрогнул.

Я пожал плечами. Ненавижу общие вопросы. «Как там?» Да никак. Ни там, в столице готовой сгинуть в ядерной войне южной страны. Ни там, в столице страны северной, которая сгинет на пять минут раньше или позже. Ни здесь, на крошечном клочке земли, разделяющем эти страны. На перешейке, где в тщетных попытках уберечь венерианскую цивилизацию обретаются горстка советских миротворцев.

– В Москву радировали? – обреченно спросил я.

– Да, конечно. Ваши доклады отправили экстренной связью. Все четыре.

– И что?

– Как обычно, – полковник криво усмехнулся. – Просят соблюдать осторожность и проявлять терпимость. Напоминают о политике невмешательства, самоопределения. Всё то же самое.

Подкатил шикарный лимузин, подарок советскому посольству от сеньора Очоа, президента Саулии. В президенты Очоа выбрали лет пятнадцать назад, а потом забыли переизбрать.

Мы покинули крошечный аэропорт, пронеслись мимо космодрома, миновали казармы. Когда достигли наконец жилой зоны, полковник спросил:

– Сколько осталось, по-вашему?

Я не сразу понял, о чем он. Я думал совершенно о другом. Думал о Лауре. О ее точеных, распахнутых в стороны ножках, о тонком почти неуловимом аромате, от нее исходящем, о ее руках, еще недавно обнимавших меня, о черных влажных глазах, о...

– Сколько осталось? – повторил полковник.

– Что вы сказали? – вернулся я к действительности. – Ах да. Не знаю. Год. Полгода. Месяц. Может быть, и того меньше.

– Глупо, – сказал полковник. – Мы могли бы спасти их. Хорошо, пусть не всех, пусть только южан, эта северная сволочь того не заслуживает. Примитивный десант, хватило бы пяти линейных крейсеров. Элементарный блицкриг, считай, учебный, с минимальными потерями. С нашей стороны, я имею в виду, им бы, разумеется, досталось изрядно. Три-четыре превентивных удара с орбит по ракетным базам. Пара упреждающих по аэродромам. Потом десант. Заняло бы от силы неделю.

– Считайте, я этого не слышал, – сказал я.

– Да бросьте, полпред. «Не слышал», – сказал полковник, как сплюнул. – Что вы сделаете? Доложите о моем вольнодумстве? Валяйте. Меня выпрут в отставку. Исключат из партии.

Полагаете, я хоть на минуту пожалею об этом? Хоть на секунду, полагаете, пожалею? Проклятье! Да лучше гнить где-нибудь под Саратовом, чем сидеть здесь на пороховой бочке и ждать, когда на голову свалится носитель средней дальности.

Он опустил голову и замолчал. Он знал, что я согласен. И я знал, что он знает. Только говорить об этом было нельзя. Ему, командиру дислоцированного на Венере ограниченного воинского контингента – нельзя. А мне, полномочному представителю Советского Союза, послу при обоих венерианских правительствах – тем паче.

2. Олег

Двое суток я добросовестно пробездельничал. На третьи выбрался на свет божий. Шел мелкий косой дождь, задувал промозглый ветер с океана, тучи надежно обложили солнце. Я поднял воротник плаща, нахлобучил на глаза шляпу и отправился в полпредство.

В кабинете было пусто. Товарищ Бессонов, мой зам и помощник, он же по совместительству секретарь и личный пилот, отсутствовал. Я уселся за стол и перебрал бумаги. Директивы из Москвы, поступающие в астрономических количествах, не читая, отправил в поглотитель. Бегло пролистал местные сводки, заботливо распечатанные Бессоновым. Отправил их вслед за директивами и подключился к Сети.

В личной почте меня ждало письмо от Лауры. Я невольно покраснел, прочитав его. Лаура не привыкла стеснять себя условностями. На прекрасном литературном саулийском она подробно излагала, что испытывала, когда мы были вместе. И выражала желание повторить это как можно скорее.

«Как можно скорее» означало через полтора местных месяца. Столько я провел при кабинете президента Саулии, столько же мне теперь предстояло пробыть в Нарсии при дворе ее канцлера.

3. Олег

Его Совершенство канцлер Штольц, единоличный и абсолютный диктатор Нарсии, назначил аудиенцию через два часа после моего прибытия. Здесь всё делали быстро, в этой воензированной, превращенной в дисциплинарный лагерь стране. Быстро отдавали приказы и немедленно их выполняли. Быстро принимали решения и споро их воплощали. Быстро жили. И умирали тоже быстро.

Аудиенц-зал был полон народу неопределенного статуса. Замершего по стойке «смирно» индивида в стандартном сером мундире, серых же брюках и тупоносых шнурованных ботинках можно было принять за человека государственного. Можно было и за офицера штурмовиков в штатском. А можно – за душегуба из диктаторской личной охраны, умельца дел заплечных и дел палаческих.

Я увидел Грету, когда пересек аудиенц-зал по прямой и оказался прямо перед диктатором, в пяти шагах от него. Грета стояла у Штольца за спиной, в компании четырех нарсийских красавиц. Она тоже была в сером, как и прочие, но грубое мешковатое сукно ее не уродовало и даже не портило. Длинные светлые волосы оттеняли строгое лицо с холодными серыми глазами и тонкими губами в струнку.

Впрочем, я знал, как эти глаза умеют меняться и заволакиваться, а губы – раскрываться и становиться чувственными и сладкими.

Я сдержанно поклонился и принялся по-нарсийски зачитывать рутинное приветствие. Его Совершенство внимал с плохо скрываемым нетерпением. И едва я добрался до заверений генсека в уважении и добрых намерениях, канцлер резко поднялся и вскинул руку.

– Довольно, – каркнул он. – Мы здесь не любим церемоний и предпочитаем обходиться без них. У меня есть предложение к правительству СССР, конкретное и прямое. Я передам его вам с глазу на глаз. А теперь, господа!.. – повысил голос диктатор.

Десятки пар каблуков разом щелкнули, затянутые в серое нарсийцы замерли.

– А теперь оставьте нас одних.

4. Грета

У входа в аудиенц-зал нас досматривают со всем усердием – еще бы, пять самых красивых женщин страны. Символы нации. Мясо идеальной формы. Стоя за спиной диктатора, мы олицетворяем чистоту, строгость, благородство... Ха! Один только отбор Прекрасных нарсиек – образец благородства и строгости. У Бригит лошадиные ступни, но она генеральская дочь. Задница Ингрид едва втискивается в форменные платья, но Ингрид – любовница вице-канцлера. Сутулая Эльза – сестра крупного фабриканта. Хельга – племянница начальника охраны, и это важнее, чем жидкие волосы. Удивительное дело, но я не родственница и не любовница. И отбор в число Прекрасных прошла на общих основаниях.

Отбор этот канцлер Штольц впервые объявил десять лет назад. Видимо, в столице свежие и красивые девки закончились. Помню, мать сказала мне, двенадцатилетней: «Лицо, фигура и девственность, Грета. Ты должна сохранить их. Это твой шанс выбраться из провинции, попасть в столицу...»

Что ж, лицо сохранить оказалось довольно просто. Фигуру – чуть сложнее. Гимнастика, плавание и силовые единоборства: по четыре-пять часов в сутки. С девственностью пришлось труднее всего. И потому, что отбоя не было от желающих меня ее лишить. И потому, что к совершеннолетию я уже с ума сходила от неудовлетворенных желаний.

В результате в столицу я попала. Оказалось, что резиденция Его Совершенства не в лучшую сторону отличается от стылого маленького домика на нарсийских задворках. Да и с чего бы ей отличаться...

Двадцать лет назад генералу Штольцу удался военный переворот. Свержением и казнью президента этот плюгавый подонок не ограничился. Добрую половину государственной верхушки он перебил, оставшихся в живых раскидал по тюрьмам. Бывших соратников велел расстрелять, недовольных и несогласных – вздернуть, так что вскоре страна превратилась в военный лагерь.

Генерал Штольц возвел себя в канцлеры и наградил титулом «Его Совершенство». Ну а вешал и расстреливал он в новой ипостаси не хуже, чем в прежней.

В провинциях и городах теперь вместо губернаторов и бургомистров заправляли армейские полковники. В школах ввели воинские дисциплины, срок службы увеличили с трех лет до пяти. И лишь в столице порядки соответствовали прежним, исконным: распутство, предательство, доносы и обыски.

Дворец-резиденцию, доставшуюся в наследство от покойного президента, Его Совершенство живо перекроил в казарму. Вместо балов в ней теперь проводились офицерские вечеринки. Вместо министров расхаживали гвардейцы. Вместо светских сплетен травили сальные анекдоты, а вместо куртуазных бесед отдавали рапорты...

Досмотр всё не заканчивался. Двое охранников по очереди водили сканерами поверх платья каждой из нас. Затем «для верности» руками – тоже по очереди. Я едва удержалась, чтобы не врезать коленом сопящему у ног оберлейтенанту.

Наконец нас пропустили в аудиенц-зал и расставили, словно игровые фишки, на положенном месте – у Штольца за спиной. Ингрид и Бригит принялись шептаться, как провели ночь: обе участвовали в попойке, устроенной вице-канцлером. Чистота, строгость, благородство... Я покосилась на девиц и фыркнула. Обе заткнулись.

Аудиенц-зал понемногу заполнялся людьми: прибыли напыщенные чиновники из государственной канцелярии, за ними появились личные охранники Его Совершенства. Дежурный оберст из штурмовиков проорал «Смирно!».

Заткнулись все. В зале стало тише, чем в склепе. И вот в этой тишине едва слышно открылась задрапированная шелковой портьерой дверь, через мгновение раздались шаги дик-

татора. Приблизившись, канцлер скользнул по нам липким взглядом. Глаза у Штольца темные и непроницаемые, словно затянуты паутиной. Пора бы привыкнуть за два года, но я с трудом уняла дрожь отвращения.

Диктатор уселся в кресло, почти трон, и армейские горнисты протрубили ритуальное приветствие. Второй слева, сучий сын, умудрился при этом сфальшивить.

А потом... Так не бывает, но секунды растянулись в часы. Под ложечкой засосало... Наконец распахнулась тяжелая резная дверь, и в аудиенц-зал вошел советский посланник. Мой Олег. Мой человек из СССР. Кровь в висках застучала. Я держалась ровно, как подобает Прекрасной, однако глаза против воли обращались туда, к шагавшему через аудиенц-зал мужчине. Олег остановился в пяти шагах от диктатора и, щелкнув каблуками, начал зачитывать приветствие. Поймав его взгляд, я подобралась.

Канцлер внезапно поднялся и на полуслове оборвал посла. Затем скомандовал всем убираться. Офицеры, чиновники, охранники потянулись к дверям.

Выйдя, я свернула в полутемный коридор, ведущий к жилому корпусу для женского состава. Ускорила шаг, затем перешла на бег. Скорее! Нужно переодеться и причесаться. Как назло, на туфле ослаб ремешок, я присела на скамью в одной из коридорных ниш – подтянуть его. И едва нагнулась, до меня донеслись голоса. Я прислушалась: Хельга и Бригит занимались любимым делом – сводили сплетни.

– А он хорошенький, этот русский! – пропищала Бригит.

Я едва не рассмеялась. Как можно называть Олега хорошеньким, будто он обычный нарсийский хлыщ.

– И сразу видно – не дурак погулять, – отозвалась Хельга.

– А надутая стерва Грета смотрит на него, как на свой кусок мяса. Наверное, думает, что он ее любит, – хихикнула Бригит.

– Точно. Надеется, что заберет ее с собой на Землю. Ты заметила, как эта плутовка смотрит на нас с тех пор, как он появился в Нарсии?

Бешенство поднялось изнутри и охватило меня мгновенно. Я вылетела из ниши в коридор. Крюком справа засветила Хельге под челюсть и добавила ногой в живот, когда та свалилась. Поймала Бригит за космы, рванула, выдрала клок и на прощание наградила обеих коллег пинками под тощие задницы.

Через пять минут я была в своей келье. Принять ванну, высушить волосы – на всё про всё полчаса. Теперь нарядиться. Не в серую мышастую ветошь, а в белое платье из гладкой шерсти. Напоследок я посмотрелась в зеркало. На миг замерла. Прекрасная собралась бежать на свидание, задрал подол – словно казарменная шляха...

Олег, казалось, стоял за дверью и сжал меня в объятиях сразу, едва отворил на мой стук.

– Грета...

Голова закружилась. Я прижималась к Олегу и чувствовала, как теряю волю, разум, ничего не остается от меня. Разлетается осколками вселенная, и исчезает, пропадает в ней всё кроме рук, губ, плеч...

5. Олег

– Присаживайтесь, господин посол, – диктатор кивнул на массивное, с витыми позолоченными ручками кресло. – Я обойдусь без предисловий. У меня к вам предложение.

Он походил на гусеницу. Мелкую, тощую и дряблую гусеницу с вытаращенными стрекозиными глазами. Мутными, ко всему.

– Это предложение касается вас лично, – продолжил Штольц. – Оно не имеет ничего общего с представительством вашей страны.

– Слушаю вас.

– Речь пойдет об этом южном сброде.

Я невозмутимо пожал плечами. Ненависть к южной расе нарсиец впитывал с молоком матери. А затем на протяжении всей его жизни государство заботилось, чтобы ненависть не ослабела. В Саулии образ нарсийца с кривым ножом в руке преследовал граждан в кошмарных снах от рождения и до смерти.

– Слушаю вас, – повторил я.

– Война неизбежна, посол, вы это знаете так же, как и я. На венерианской земле нет места двум нациям, на ней должна жить только одна. Сильнейшая.

Я скрестил на груди руки. Что ж, у Штольца были предшественники. Удивительно, насколько власть имущим свойственно забывать историю. Со времен Третьего рейха прошло немногим больше двухсот пятидесяти лет.

Сотню лет назад, на рубеже двадцать первого и двадцать второго веков, когда удалось построить универсальный преобразователь атмосферы, человечество ринулось в космос. Ведущие державы довольно мирно поделили Марс и схлестнулись в главном поясе астероидов, колонизация которых сулила огромные дивиденды. В отличие от Венеры, которую отдали на откуп любому желающему. Откупщиками оказались страны Латинской Америки. Пока СССР, США, Япония и Евросоюз надрывались в локальных войнах между орбитами Юпитера и Марса, латиноамериканцы бросили на освоение Венеры объединенный бюджет двадцати стран. И преуспели – Саулия, южная, плодородная часть единственного пригодного для жизни материка, за какой-то десяток лет была колонизована и приняла первых поселенцев. Еще через пять лет северную часть того же материка, названную Нарсией, принялись заселять потерпевшие поражение в астероидной войне европейцы. Тысячи и тысячи граждан отколовшихся от Евросоюза Германии, Австрии и стран Бенилюкса отправились искать счастья на новой родине. Пустынной, с суровым климатом и скудными природными ресурсами.

Нарсию и Саулию разделял узкий перешеек, и первый конфликт не заставил себя ждать. За ним последовали другие, всё более кровопролитные, вскоре обстановка стала критической. Введением ограниченного воинского контингента СССР положил конфликтам конец. Надолго ли, не знал никто. Саулийцы со свойственной южанам беспечностью, видимо, считали, что навсегда.

– Сейчас у нас идеальная ситуация, – медленно проговаривая слова, сказал Штольц. – Мы можем избавиться от южной швали и при этом уцелеть. Откладывать нельзя. Они отстают от нас, сильно отстают, но через какой-нибудь десяток лет южные технологии всё же разовьются настолько, что война будет означать гибель планеты в целом.

– А идея разоружения, – спросил я насмешливо, – вам в голову не приходила?

Диктатор улыбнулся и стал похож уже не на гусеницу, а на мелкую ядовитую змею.

– Эта идея для слабаков, – сказал он. – У меня предложение. Вы снимаете кордон. Всего на сутки. Пропускаете нарсийские войска на юг. После чего положение на перешейке станет критическим, и вам ничего не останется, как убраться. Что ваши люди и проделают. Все кроме вас лично. Вы – остаетесь и становитесь вторым лицом на Венере после меня. Я позабочусь

инсценировать вашу гибель, для своего начальства вы будете считаться мертвецом. Ну как? Согласны?

Я ошалело смотрел на него. «Ну и сволочь!» – билась в висках единственная мысль, вытесняя все остальные. Потрясающая, абсолютная сволочь.

– Вы не в своем уме, – сказал я наконец.

– В своем, в своем, – благодушно улыбнулся диктатор. – Вы ведь, по сути, чиновник, господин посол. Так, никто – мелкая партийная сошка, винтик. Я предлагаю вам неограниченное богатство и власть. Любые капризы, любые желания, любые женщины – всё, что пожелаете.

Я с трудом унял злость.

– И что же будет, если я не соглашусь? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал бесстрастно.

– Вы не догадываетесь?

– Допустим, нет.

– Тогда мне придется взять грех на душу и рискнуть. Я уничтожу вас. Смету ваш кордон с перешейка и утоплю в море.

– Вы не осмелитесь, – бросил я. – За нас отомстят раньше, чем вы успеете порадоваться, что нас больше нет.

– Ну-ну, – диктатор поднялся. – Не осмелюсь, говорите? Возможно, вы правы. А возможно, и нет. Какое дело Советскому Союзу до вас и горстки ваших людишек, посол? У вашей страны мало других забот? Да, СССР, конечно, превосходит нас в технологиях. Но вот захотят ли из-за вас со мной связываться? Думаю – нет. Тем более что я извинюсь. Выражу, так сказать, соболезнования. Пойду на уступки.

– Вы ошибаетесь, – сказал я. – Из-за меня как такового ничего, конечно же, не затеют. Затеют по другой причине. Из принципа.

– Что ж, – Штольц прошагал к двери, распахнул ее. – Не смею задерживать, господин полномочный представитель. Рекомендую вам подумать. Время есть. Скажем, месяц. Или даже два. Устроит вас два месяца? Погостите у нас, поразвлекайтесь. Оцените нарсийское гостеприимство. Не каждый может похвастаться, что в постели у него символ нации.

6. Лаура

Ночь вытянулась в струну и рассеялась в пепельно-белесое утро. Сладковатый запах цветов смешался с туманом и вполз в раскрытое окно. Я проснулась ни свет ни заря, лежала и прислушивалась. Внизу позвякивала посудой кухарка. На улице просигналил автомобиль молочника. Я прислушивалась к новому дню и к радости, нарастающей медленными аккордами где-то внутри. Неделя... Осталась всего лишь неделя, а потом прилетает Олег.

– Олег, – его имя так вкусно перекачивается между языком и небом.

В соседней спальне слышались шаги мужа. Я зарылась лицом в подушку – притворилась на всякий случай спящей. Дверь отворилась.

– Лаура, жду тебя в столовой. Не проспай завтрак.

Я поморщилась и не стала отвечать. Странная у супруга блажь – я должна завтракать вместе с ним. Можно подумать, без меня у него испортится аппетит...

Когда я спустилась, Лоренцо уже сидел на обычном месте во главе стола. При виде меня он нахмурился.

– Лаура, что это за непотребно короткое платье?

– Домашнее, дорогой.

– В нем же нельзя ни присесть, ни наклониться...

В столовую вплыла горничная с подносом, и Лоренцо умолк.

Я посмотрела на часы, висящие на стене напротив. Еще сорок минут его присутствия. Лоренцо развернул газету и принялся изучать новости.

– Оборонительная мощь растет... Угрозы Нарсии – фикция... Саулия готова к вторжению северян, – зачитал заголовки муж и свернул газету. – Сказки всё это, – убежденно заявил он. – Не будет никакого вторжения. А если будет, то мы мигом с ними управимся.

Лоренцо, пусть и заведовал департаментом образования, о войне поговорить любил. И сейчас завелся.

– ... С нашим климатом, с нашими ресурсами, с такой армией... Растопчем этот северный сброд в три дня, пискнуть не успеют.

Я кивала время от времени. На ум пришел недельной давности разговор у жены министра здравоохранения. Сидевший в роскошной гостиной военный совершенно не вязался с изысканной обстановкой. Грубоватый полковник напоминал медведя, забавы ради усаженного на диванчик. Кто-то из гостей заинтересовался, что тот думает о войне.

– Нас размажут в кровавую кашу, – отозвался полковник. – Парады и мундиры не заменят техники. Мы отстаем, черт побери, они обогнали нас на поколение. Эти идиоты в министерствах, у которых на плечах задницы, думают, что пронесет. Что можно и дальше бить баклуши, потому что нас больше и мы богаче. Дудки! У нарсийцев тотальная мобилизация и ядерные боеголовки, а у нас никудышная система ПВО и тотальная болтовня.

Мужчины загомонили возмущенно: «А как же армия? А оборонная программа? А что же в газетах...»

– Газеты, разумеется, врут. Как обычно.

– Вы ошибаетесь, полковник, – встрял министр. – В правительстве знают, что делают. СССР не допустит войны.

– СССР, – насмешливо повторил полковник. – Коммунисты. Да что им за дело до нас. Попомните мои слова, господа, – нас ждет война. Экспансия, к которой мы не готовы.

Нет! Не может такого быть! Полковник ничего не знает о Советском Союзе. О русских. Они защитят нас. Они могут.

– А-а... к-когда?.. – спросила, заикаясь, хозяйка.

– В любой момент. Когда вздумается северянам – тогда и...

Я вспомнила этот разговор двухнедельной давности, и по спине в который раз пробежал холодок. Скорее бы приехал Олег! Рядом с ним можно просто сидеть, касаясь локтем и коленом, и почти ни о чем не думать и не решать почти ничего. Разве что выбирать платье, в котором я особенно ему понравлюсь.

Из раздумий меня выдернул звук отодвигаемого стула.

– Так, пора идти, – Лоренцо встал из-за стола. Проходя мимо, тронул пальцем за плечо. – До вечера, Лаура.

– До вечера, – я наклонилась над тарелкой и закусила губу.

С недавних пор, прикасаясь к мужу, я чувствовала себя шлюхой.

Написав письмо Олегу, я спустилась в подвал – в мастерскую. Прохлада, привычные запахи глины, воска и мастики будоражили и успокаивали одновременно. Нужно закончить подарок для Олега. Смешивая раствор, разминая пальцами податливую глину, я вспоминала...

О том, что в его руках мне хорошо, как не бывало никогда в жизни.

7. Олег

Приникнув к иллюминатору, я рассеянно оглядывал унылый нарсийский пейзаж. Самолет набирал высоту, северная столица с предместьями осталась позади, и сейчас под нами была лишь однообразная, куца и стылая пустыня. Она занимала большую часть страны, переходя в горные кряжи на севере и обрываясь в океаны с запада и востока. А на юге, на узкой горловине разделяющего материк на две половины перешейка, стояли мы. Советские миротворцы, пытающиеся не позволить дерзким, нищим и жестоким истребить изнеженных, богатых и благодусных.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Перед ними стояла Грета. Так же, как стояла она на пороге, когда я уходил. Растерянная, плачущая – я не думал, что она умеет плакать вообще. Как не думал тогда, в самый первый раз с ней, что ослепительная красавица, символ северной нации, окажется девственницей.

Поначалу я считал, что Грету Его Совершенство под меня подложил. Считал до тех пор, пока однажды ночью, обнимая меня, она не шепнула: «Как же я всё здесь ненавижу, милый. И как же мне повезло, что есть ты». А когда я вскинулся и вопросительно уставился на нее, обвела глазами комнату, задерживая взгляд на вентиляционных отдушинах под потолком. И я поверил. Не знаю почему – шестым, может быть, седьмым чувством осознал, что она говорит искренне.

В прошлый мой приезд в Нарсию мы пробыли вместе полтора месяца. В этот – полтора дня.

– Ты вернешься? – спросила она тихо.

– Да, – соврал я. – И быстрее, чем ты думаешь.

Вернуться означало дать ответ Штольцу. А точнее, попросту его послать. И посмотреть, что из этого выйдет. Посмотреть можно было и издалека. Потому что вблизи означало бы, реши он рискнуть, немедленную мою ликвидацию.

8. Олег

Полковник Лунев, заложив руки за спину, в задумчивости расхаживал по кабинету. И молчал. Я, ссутулившись в кресле, ждал и молчал тоже.

– Так и сказал «... уничтожу вас. Смету ваш кордон с перешейка и утоплю в море»? – прервал наконец молчание полковник.

– Так и сказал.

– Понятно. Хорошая провокация.

– Вы находите?

– Нахожу. Штольц сейчас выжидает и смотрит, как мыотреагируем. Если не предпримем ответных мер, он может рискнуть. Сделает вывод, что мы слабы. Совершенно, кстати, справедливый.

– Какие ответные меры вы имеете в виду?

– Ну, например, – полковник смерил меня взглядом исподлобья, – мы могли бы провести боевые учения. Во время которых одна ракета улетит на север. Случайно. Скажем, по моей халатности. И приземлится в нарсийской столице. И всё – не будет никакого Штольца.

– Вместе со столицей?

– Ну, не со всей. Пострадает только центр. По сравнению с количеством жертв в возможной войне это сущие пустяки.

– Есть еще варианты? – саркастически спросил я.

– Есть. Основной, – сарказма полковник не принял. – Если вдруг у южного недоумка случится озарение, и он на него согласится.

Южным недоумком был господин президент Очоа. А основным вариантом – гипотетическое согласие Саулии на размещение на своей территории советских поселенцев. В количестве, достаточном, чтобы вместе с ними разместить военные базы и тем самым обеспечить безопасность поселенцев, а заодно и страны. Господину президенту Очоа предлагали этот вариант неоднократно. Он с изысканной южной вежливостью неизменно отказывал. Меры опасности господин президент не осознавал. Как, впрочем, и остальные его соотечественники.

– Что ж, – я поднялся. – Послезавтра я буду уже в Саулии. Могу передать господину президенту, что вы его полагаете недоумком.

– Да-да, – рассеянно проговорил полковник. – Передайте ему, пожалуйста.

9. Олег

На этот раз в иллюминаторе виднелась не пустыня, а цветущие сады и возделанные поля. Саулия была настолько же богата и плодородна, насколько скудна и бесплодна Нарсия.

Через несколько часов я увижу Лауру. Одухотворенную, деликатную, чувственную Лауру. В ее объятиях удастся забыть о северной красавице. Необразованной, вспыльчивой и бесцеремонной. И тоже чувственной. Не удастся, понял я миг спустя. Не удастся забыть. Пора уже перестать прятать голову под крыло и разобраться в себе.

Следующие десять минут ушли на извлечение головы из-под крыла и разбирательство. Две женщины. Черт возьми, я никогда не думал, что могу любить двух одновременно.

Стоп, сказал я себе. Что-то нехорошо, неправильно в последней фразе. Только что же? На юге я сплю с южанкой; с северянкой – на севере. Нормальная практика для кочевника, не жить же анахоретом. Только вот... Глагол, понял я. Неосознанно я употребил глагол «любить». Которому во фразе не место. Или...

10. Олег

Лауру я увидел еще с трапа, она стояла в толпе встречающих. Тоненькая, миниатюрная, по плечо одутловатому плешивому верзиле, неизвестно за какие заслуги назначенному в министры. И неизвестно за какие выбранному ею в мужа.

Потом были шикарный лимузин, цветы, поклоны, рукопожатия и церемонные речи. Во время которых я неотступно думал о Лауре и после которых, наконец, остался один на один с президентом.

– Три дня назад, – сказал я, глядя ему в глаза, – я получил ультиматум. Не буду вдаваться в подробности. Результатом отказа может быть война, препятствовать которой нам не удастся. Возможно, советские войска будут вынуждены покинуть перешеек или вообще оставить вашу планету.

– Мне будет крайне не хватать вашего общества, господин посол, – с печалью в голосе проговорил президент.

Я едва удержался от гневной отповеди. Он даже не понимал, что война будет означать для него самого, не говоря о своих согражданах.

– Если начнется война, Саулия будет уничтожена, – жестко сказал я. – Население истреблено. Возможно, в первые же несколько дней.

– При всем к вам уважении, господин посол, – сокрушенно покачал головой Очоа, – вы ошибаетесь. Вам, впрочем, простительно, вы ведь не местный. Давайте я объясню. Саулийцев в десять раз больше, чем северян, на каждого их солдата придется десять наших граждан. Это во-первых. Во-вторых, территория Саулии в шесть раз больше. И, в-третьих, у нас гораздо более развитая промышленность. Им никогда не одолеть нас, господин посол.

– Как же вы не поймете! – сказал я с досадой. – От вашей хваленной армии ничего не останется после первого же массированного удара. От вашей промышленности – тоже. Вы производите автомобили, а Нарсия – танки. Вы – пассажирские аэробусы, а они – бомбардировщики. Вы – атомные электростанции, а они – баллистические ракеты средней дальности.

– Ракеты у нас тоже есть, – благодушная улыбка сошла с лица президента.

Мои слова явно взяли его за живое.

– У вас недостаточно ракет. И никудышная система противовоздушной обороны. Но это не самое главное. Они будут первыми, понимаете? Первыми нанесут ядерный удар. В худшем случае вы успеете ответить. В лучшем – нет.

– Почему «в лучшем»? – озадаченно спросил президент.

– Потому что если не успеете, уничтожена будет только Саулия. А если успеете, то обе страны. И планета в целом вместе с ними.

– Вы рисуете слишком мрачную картину, – благодушная улыбка появилась вновь. – Позвольте сказать напрямик. Мы никогда не согласимся на иммиграцию поселенцев из СССР, господин посол. Саулия – независимая страна, была таковой со дня основания и будет вечно. Северяне множество раз угрожали нам. Мы не боимся угроз.

– Ядерной бомбардировки, значит, не боитесь тоже?

– Они не рискнут на ядерную. Им прекрасно известно, что у нас есть, чем ответить.

Я поднялся. Он просто не понимал. Не хотел понимать. Разговор был бессмыслен.

– Его Совершенство диктатор Штольц, – предпринял я последнюю попытку, – несколько отличается от своих предшественников, бывших нарсийских президентов. Он – очень рискованный человек. Когда речь идет о нем, рассуждения «они не рискнут» не работают.

– Что ж, – пожал плечами сеньор Очоа. – Вам виднее, вы знакомы с этим мерзавцем лично. Не смею задерживать вас, господин посол.

11. Лаура

Апельсин солнца лениво катился по голубому шелку неба. В Саулии сиеста. Я смотрела на спящего Олега и таяла от нежности. Затем поднялась, нашла на полу шпильки и собрала волосы. Наклонилась над Олегом и долго-долго вдыхала, пила его сон. Выпила весь.

– Лаура... – открыл глаза Олег.

– М-м-м?.. – Я провела носом по его плечу.

– До чего приятно просыпаться в такой компании.

– Только просыпаться? – Я шутливо нахмурилась. – А засыпать?..

– Виноват. Оговорился.

Мы расхохотались. Отсмеявшись, Олег поднялся с постели.

– Я проверю почту, милая.

– Хорошо.

Олег прилетел в Саулию неделю назад. Полдня он провел за церемониями и у президента. За те несколько часов, до сиесты, я уже изныла от нетерпения. А потом шмыгнула к нему в комнату. Снова я чувствовала себя кусочком податливой мягкой глины, с которой мой скульптор может делать что угодно. Снова я была счастливейшей из женщин.

Президент не очень-то утруждал Олега, и все дни были наши, только на двоих. Прогулка на кораблике по проливу, фруктовая роща, ресторанчики Стеклянного квартала, где живут музыканты и художники...

Олег выключил компьютер, откинулся на спинку кресла и зажмурился. Я встревожилась.

– Что-то случилось?

Олег отнял руки от лица и посмотрел на меня внимательно.

– Собирайся, Лаура. Я увожу тебя. Завтра.

12. Олег

Директива из Москвы предписывала эвакуировать воинский контингент в течение трех недель. Там наконец додумались оценить обстановку и признали ее слишком опасной. К нашему прибытию подготовка к эвакуации шла уже полным ходом.

– Что за девица? – скользнув по Лауре небрежным взглядом, осведомился полковник.

– Моя жена.

Полковник закашлялся.

– Простите, полпред. Переведите ей, что она прекрасна.

– Она в курсе.

– Тогда попросите оставить нас вдвоем.

– Поскучай без меня немного, милая, – сказал я Лауре. – Я попрошу товарища Бессонова, он покажет тебе, как мы тут живем.

– Смелый вы человек, – сказал полковник, когда мы остались одни. – Отчаянный. Воистину рыцарский поступок.

Отвечать я не стал. «Рыцарский» в переводе с эзопова языка на разговорный означало «глупый». Или даже идиотский. Женщина из другой страны, даже с другой планеты. С иной культурой, привычками, с иным укладом. Деликатная, одухотворенная, нежная, смотрящая на меня как на полубога. Что я с ней теперь буду делать?.. Я ведь даже не могу сказать, что люблю ее.

К чертям! Я ее вытащил. Рыцарский, глупый, идиотский – этот поступок был правильным. Может быть, самым правильным за всю мою жизнь.

– Не жалко остальных? – глядя в сторону, спросил полковник.

– А вам? – парировал я.

– Мне – да. Когда пришла директива из Москвы, я отдал команду на запуск.

– Что?! – спросил я ошеломленно. – На какой запуск?

– На запуск ракеты, естественно. За минуту до старта я приказ отменил.

– Вас судили бы, – пробормотал я растерянно. – Вас бы приговорили за это к расстрелу.

– На расстрел я согласился бы с радостью, – криво усмехнулся полковник. – Не в нем дело, полпред. Мне, знаете ли, пришло в голову, что я не вправе умертвить полмиллиона человек. Даже если их смерть спасет полмиллиарда.

С минуту мы молчали.

– У нас есть две недели, – прервал паузу полковник. – Вернее, у вас. За это время можно было бы сделать многое.

– Что вы имеете в виду?

– Вы не поняли? Извольте, я растолкую. Две недели достаточно, чтобы убрать эту сволочь, его северное совершенство.

– В каком смысле? – спросил я оторопело.

– Удavit. Пристрелить или зарезать вряд ли удастся, там же, по вашим словам, обыскивают. У вас есть человек, который вполне может это проделать по вашей просьбе. Вернее, которая. Она, я слышал, в неплохой физической форме.

Я поперхнулся. Бессонов. Исполнительный, дружелюбный, услужливый сукин сын. Постукивающий на меня в свободное от дружелюбия и услужливости время.

– Вы считаете, я готов послать Грету на смерть? Даже если предположить, что она согласится?

– Нет, – проговорил полковник медленно. – Не считаю. Увы. Свой рыцарский поступок вы уже совершили.

13. Грета

– Отпусти-и-и! – визжала Ингрид.

Я придавила паршивку к полу коленом и удерживала за руки.

– Объясняю для идиотов. Нечего трепать мое имя вместе с именем посла. Ты поняла? – Я сильнее прижала коленом.

– Поняла, – выдохнула в ответ Ингрид.

Началось с того, что Эльза обронила в коридоре: «Бедная Грета».

– Так ей, сучке, и надо, – возразила Ингрид. – Посол удрал, а ее с собой забрать забыл. Зато как задавалась...

Я услышала эти слова, стоя за дверью своей комнаты, утром, перед выходом в аудиенц-зал. Из комнаты я не вышла – вылетела – и начала с Ингрид. Сшибла ее с ног подсечкой и приложила мордой об пол. Потом взялась за Эльзу.

После отъезда Олега я места себе не находила. Когда мы расставались две недели назад, я подумала, что вижу его в последний раз. И теперь бесилась, колотила товарок, собачилась с охраной.

Я отпустила Ингрид, отвесила пинка Эльзе и пошла в аудиенц-зал. Уже там я почувствовала, как сердце колотится, и успокоиться не могла.

А потом... Горнисты протрубили положенное приветствие, распахнулась дверь, и я чуть не закричала от радости...

– Грета!

Олег все-таки прилетел. И целовал меня сейчас так, что коленки подламывались...

Потом осколки вселенной вернулись на свои места. Олег приподнялся, опираясь на локоть, и разглядывал меня, как будто впервые видел. Я смутилась.

– Что-то не так?

– Нет, Грета. Всё так... Скажи... завтра Штольц дает прием? – напряженно спросил Олег.

– Конечно.

– И ты присутствуешь?

– Само собой.

Странно. Никогда он меня об этом не спрашивал...

– Ты будешь стоять у него за спиной как всегда?

– Нет, буду сидеть у него на коленях!

Да что же такое? Зачем спрашивать об очевидном? Я приподнялась и взглянула на Олега. И наткнулась на такой взгляд... Будто он сам себя готов убить.

Утром я открыла глаза в положенное время – на рассвете. Олег сидел за столом и постукивал запечатанным конвертом по столешнице. Удивительно – я всегда просыпалась первой.

– Доброе утро, Грета, – Олег обернулся, и я испугалась: за ночь он как будто лет на десять постарел. Складки у рта стали резче, кожа на скулах натянулась...

– Ты спал?

– Немного, – Олег поморщился, будто у него болел зуб. – Одевайся. И как можно быстрее.

Я торопливо одевалась и гадала, что происходит. Что-то странное и тревожное, я всей кожей чувствовала. Пальцы не слушались, и застегнуть платье не получилось – мелкие пуговицы ускользали из рук. Я подошла к Олегу и повернулась спиной.

– Застегни.

Олег взял меня за плечи, развернул к себе, посмотрел внимательно.

– Сейчас за тобой придет товарищ Бессонов.

– Зачем?!

Бессоновым с обязательной добавкой «товарищ» Олег звал дюжего детину с гладко зализанными волосами, который двух слов на нарсийском связать не мог и состоял при после, словно дуэнья при молодежи.

– Вот этот конверт, – Олег кивнул на стол, – надо вручить полковнику Луневу. Это командир миротворческих войск. Внутри – важная и срочная информация. Мне нужно задержаться здесь, в Нарсии, иначе я доставил бы его сам. – Олег взял меня за подбородок и заглянул в глаза. – Грета, прошу тебя, сделай, как я говорю.

Растерянная, я кивнула.

Затем был посольский лимузин, аэродром и миниатюрный, похожий на головастика самолет.

Я сидела в салоне этого недоношенного самолета и пыталась сообразить. Странно, что Олег выпрашивал у меня о том, что и так известно. Тщательно выпрашивал, пытливо, и глядел при этом так, словно от моего ответа зависело что-то очень важное. От того, буду ли я, как обычно, стоять за спиной у Штольца.

Значит, зависело, поняла я. Диктатор, и я сзади, в пяти шагах. Олег хотел просить меня о чем-то, но так и не попросил. О чем-то, что было необыкновенно, отчаянно важным. А вместо этого попросил другое. Убраться из столицы с дурацким конвертом. Можно подумать, что его не мог передать этот напыщенный индюк товарищ Бессонов. Я улетела, а Олег остался. Значит...

До меня внезапно дошло. Сразу, в один миг я поняла, что именно это значит.

Я вскочила, прыжком покрыла расстояние до пилотской кабины и заколотила в дверь.

– Разворачивай! – орала я, надрывая глотку. – Разворачива-а-а-ай!

Дверь распахнулась. Товарищ Бессонов стоял в проеме и моргал, вылупившись на меня.

– Назад! – Я схватила его за грудки. – Разворачивай самолет, гадина, сука, сволочь!

Он дернулся, высвободился от захвата и залепетал что-то на своем иноземном языке. Затем отпихнул меня и попятился обратно в кабину.

Я рванулась к нему. Срубила его ребром ладони. Саданула локтем в висок и метнулась вовнутрь.

На пульте перемигивались разноцветные лампочки. Управляемый автопилотом самолетик, как ни в чем не бывало, уносил меня прочь.

Я отчаянно заколотила по клавишам, рванула на себя вычурной формы рычаг, врезала кулаком по панели. Проклятье, я понятия не имела, как всё это работает!

Я не видела, как сзади подобрался очухавшийся Бессонов. Удар в затылок бросил меня грудью на приборы и вышиб сознание.

14. Олег

– Что ж, признаюсь, вы удивили меня, – озадаченно протянул Штольц. – Но я рад, рад. Итак, вы согласны?

– Каковы гарантии, что вы выполните свое обещание, если я соглашусь? Вы обещали, что я стану вторым человеком на планете после вас.

Я сидел в том же кресле с витыми позолоченными ручками, диктатор расхаживал по зале. До него было десять шагов. Оттолкнуться, три прыжка, максимум четыре. Успею ли? Я забыл, когда в последний раз дрался. Наверное, в детстве, в пионерлагере. А сейчас предстоит не драться. Сейчас надо убить. Свернуть ему шею. И уложиться при этом в пять секунд, больше мне не дадут, охрана прямо за дверью.

Грета сделала бы это наверняка. Сделала бы из любви ко мне. Ей хватило бы и секунды. А в следующую секунду ее бы не стало. А я – я наслаждался бы жизнью с Лаурой. С одухотворенной, нежной, изысканной...

– Гарантии у вас будут, – проскрипел Штольц. – Должность губернатора Саулии вас устроит? Для начала.

Я подобрался. Боже, как не хочется умирать. Сколько же у меня шансов его прикончить... Двадцать процентов? Тридцать, пятьдесят? И ни одного шанса выжить, независимо от исхода дела. Ни единого.

– Устроит, – сказал я. – Только вот что...

– Да. Что же?

Я, оттолкнувшись от пола, бросился на него.

15. Лаура

Я часто думаю, что давно должна была умереть. Было время, что я очень хотела умереть. Отчаянно хотела – жить было незачем.

И было время, когда я боялась, что умру. Я выжила только потому, что была она. Та, что вытащила меня, вытянула из отчаяния и тоски. Моя названная сестра Грета.

16. Грета

Вчера приходил полковник Лунев. Он славный старик и всякий раз приносит Олегу гостинцы. Полковник вышел в отставку одиннадцать лет назад после того, как...

Я до сих пор прихожу в бешенство, когда думаю о том, что случилось одиннадцать лет назад. О том, что моя страна сгорела в огне. Потому что человек, которого я любила, не сумел мной пожертвовать. Он предпочел пожертвовать собой, и жертва эта оказалась напрасной. Он не был рожден, чтобы убивать. И чтобы любить – не был. Он не сумел убить, мой человек из СССР. Так же, как не сумел дать мне счастье и не сумел дать его Лауре.

Мы с Лаурой живем в его доме, под Ленинградом, в России, откуда он родом. Дом достался нам по завещанию. Оно было в том конверте, который я отвезла полковнику.

Я хотела убить Лауру. Сначала, когда узнала, кем она ему была. Потом, когда узнала, что она носит ребенка. Того, которого должна была носить я.

А потом, когда нянчилась с ней, высохшей от жестокого токсикоза, когда сутками про-сизивала у ее постели в больнице и думала, что не уследила, не уберегла – хотела убить себя.

Я больше не хочу убивать. У меня растет сын. Ее сын – наш общий с ней ребенок. Родив-шийся вопреки гибели второй от Солнца планеты, вопреки всему.

– Мама Грета, – говорит Олег и смотрит на меня такими же глазами, какие были у него. У моего человека из СССР.

Юрий Бурносов

Черные звёзды, золотое небо

*– Это был кусок жизни, – сказал я.
– Да, кусок жизни, – подтвердил он.
Джек Лондон. Тропой ложных солнц*

Караван, шедший к Марсу, был невелик. Шесть советских грузовых транспортов, малый крейсер «Маршал Ахромеев» в качестве флагмана плюс сборный конвой – пара кубинских корветов, гэдээровский фрегат «Роза Люксембург» и старенькая база истребителей «Партизан Джурич» под флагом Югославии.

Лейтенант Вентухов следовал на Марс на «Ахромееве». С Плесецка туда вскоре должен был отправляться армейский челнок. Точно из такого же челнока сейчас выносили раненых, доставленных с госпитального корабля «Академик Вишневский». Вентухов сидел за столиком в небольшом ресторанчике, пил индийский растворимый кофе и хорошо видел сквозь панорамное окно, как их перегружают на санитарные платформы. По идее, каждому раненому полагалась специальная капсула – герметичная, с системой жизнеобеспечения и абсолютной стерильностью внутри, но сейчас их попросту перетаскивали на носилках. Многие ковыляли сами, поддерживаемые медиками. Раненых было много.

– Не хватает, – громко сказал капитан-десантник, присаживаясь за столик.

– Простите?! – не понял Вентухов.

– Не хватает, говорю, капсул, ля, – повторил капитан, с треском сворачивая пробку с бутылки «Столичной». – Я же вижу, о чем ты задумался. Водку будешь?

Вентухов пить не хотел, потому что и без того не слишком хорошо переносил челночные перелеты, но отказываться не решился – уж больно дружелюбным и в то же время угрожающим выглядел капитан.

– Буду, – кивнул Вентухов.

– Молоток, – обрадовался капитан и налил по половине стакана. – А твое пиво, ля, на запивку пойдет.

Вентухов с сомнением посмотрел на ополовиненный бокал «Жигулевского». Без закуски, значит.

– Давай за знакомство, – предложил капитан, поднимая свой стаканчик. – Меня Витя зовут. Витя Глухов, ля.

– Сергей, – представился Вентухов.

Они беззвучно чокнулись, капитан умело проглотил водку, фыркнул и заметил:

– На Марсе наркомовские хуже, ля. Или тыловики бодряжат. Эти крысы, ля, на всё способны. Отливают себе в канистры, потом продают или меняются друг с другом на барахло...

– А вы... А ты давно оттуда? – осторожно спросил Вентухов, только сейчас разглядевший на груди Глухова ленточки ордена Красного Знамени, двух «Звездочек» и медали «За отвагу».

– Позавчера, – мрачно сказал капитан и отхлебнул глоток из пивного бокала. – В отпуске, ля. Отдыхаю. Воин, бывший на часах, отдыхает, сняв мундир, в неглиже.

Видимо, Вентухов посмотрел на него несколько странно, потому что капитан добавил:

– Козьма Прутков, ля. Был такой поэт лет двести назад.

– А-а... – Вентухов помолчал. – А чего здесь застрял?

– Я сам-то из Чернигова. А тут у меня баба, ля. Врачиха, специалист по регенерации конечностей. Сейчас на дежурстве в транзитном госпитале, ля, вот я и вышел освежиться. Ну и позырить, вдруг кто знакомый попадет, туда-сюда постоянно летают. А ты, видать, шаттл ждешь?

Шаттлом космические челноки называли теперь редко, гнушаясь враждебного американского слова.

– Ага, челнок, – не став играть в конспирацию, сказал Вентухов. Не шпион же, в самом деле, этот симпатичный капитан. – Я после училища.

– По роже видно салабона, – заметил Глухов, вновь разливая водку. – Пехота, ля... Да ты не обижайся, Серый. Я ж по-доброму. Какое училище?

– Минское.

– У меня кореш был из Минского, – оживился капитан. – Саня Богораз, ля... Не знаешь такого?

– Не знаю, – развел руками Вентухов. – Он же, наверно, раньше меня закончил?

– Наверно, раньше. Его два года назад убили при штурме Инкермана, ля.

Инкерманом называлась большая база сепаратистов, которую два года назад так и не взяли, понеся огромные потери. Вентухов помнил, как на занятиях подполковник Шереметьев объяснял, почему это произошло и какие ошибки допустило командование. Он же сказал, что генерал-полковник Цховребов, руководивший операцией, застрелился. После этого на Шереметьева наехал училищный замполит Носов, обвиняя в пораженчестве и дискредитации линии партии. Шереметьев – Герой Советского Союза, инвалид с пересаженными ногами – удержался на должности, но откровенничать с курсантами больше себе не позволял.

– Назначение куда получил? – продолжал тем временем капитан.

– Новый Ярославль.

– А, ля, седьмая мотострелковая... На взвод?

– На взвод.

– Тяжеловато тебе придется, Серый, – заключил капитан. – Взводный нынче, как в Великую Отечественную, недолго живет... Выпьем за удачу, ля, чего водка греется... Мне на Марс еще через две недели, может, встретимся, ля, если бог так рассудит.

Они выпили. Лейтенант, понимая, что хмелеет, посмотрел на часы. До регистрации на челнок оставалось меньше часа.

– Давай по третьей, – сказал бдительный Глухов, – и вали на посадку, ля. Пока общмо-нают, пока то да се... Достали, суки, ля. Как будто я туда «Мону Лизу» хочу отвезти. У тебя, кстати, бухло с собой есть?

– Есть немного в чемоданчике.

– Сколько?

– Бутылка бренди. «Слнчев бряг», болгарское.

– А, это можно. У летех и капитанов не изымают до литра, ля.

Капитан разлил «Столичную», они выпили по третьей, попрощались. Вентухов пошел регистрироваться, а Глухов остался сидеть за столиком, мрачно глядя на продолжавшуюся разгрузку раненых.

Вопреки ожиданиям, регистрация на челнок прошла быстро – даже не осматривали личные вещи, только спросили, нет ли чего запрещенного. Рядом куда серьезнее проверяли солдат-стройбатовцев, изымая запрятанное спиртное и вообще всё, что не входило в список разрешенного к провозу на Марс в солдатских вещмешках. Лейтенант обратил внимание на то, что большинство солдат были откуда-то из Средней Азии. Командовал ими полноватый старлей, излишне суетившийся, шумевший и раздающий налево и направо подзатыльники и поджопники. Солдаты не особенно сетовали, лопоча по-своему и озираясь. Наверное, в первый раз в космопорту...

– Проходите, товарищ лейтенант, – сказал контролер. – Вон туда, где мозаика над дверьми, там посидите на диванчике, пока объявят посадку. Кстати, там и бар неплохой.

Лейтенант поблагодарил, хотя после глуховской «Столичной» бар Вентухову был совсем уже ни к чему. Впрочем, бутылку лимонада «Буратино» он всё же взял.

Кроме Сергея, в зале ожидания для офицеров сидели двое в штатском – из КГБ, что ли? – а также три молодых лейтенанта военно-космических сил, немолодой майор-военврач и шумная компания танкистов в звании от прапорщика до капитана. Танкисты, косясь на людей в штатском, что-то пили, передавая по кругу бутылку. Крякнув, к ним присоединился не выдержавший медик.

Вентухов сел на диванчик, закрыл глаза и попробовал задремать, пока танкисты не пригласили и его. В бутылке, точнее, в бутылках оказался вполне приличный азербайджанский коньяк. Лейтенант старался отпивать совсем по чуть-чуть, но в кресле челнока его сразу же накрыло, стоило пристегнуться ремнями. Он увидел, как замигал красный огонек, потом челнок задрожал, лейтенанта на несколько долгих секунд вжало в кресло, затем отпустило. Кто-то из танкистов громко сказал:

– Слава богу, взлетели. Месяц назад шаттл на «Рокоссовского» прямо на взлете вернулся.

Вентухов об этом раньше не слышал. Впрочем, о потерях в Киммерийской войне официальная информация практически не поступала. «Красная звезда», разумеется, публиковала сухие ежедневные сводки, иногда так же сухо и плакатно писала о героях, совершавших подвиги, взятых или оставленных городах-базах, поярче – о преступлениях сепаратистов или американской военщины, тайно и явно поддерживающей Киммерию.

Тревожно вслушиваясь в гул двигателей, лейтенант заснул и потом едва не проспал стыковку с «Ахромеевым». Вентухова тряс за плечо давешний майор-медик.

– Что же вы, товарищ лейтенант?! Вставайте!

– Ох... – очнулся лейтенант. – Простите, товарищ майор, уснул.

– Бывает, – махнул рукой майор. – Идемте, а то крейсерские поторапливают.

Вентухов подхватил свой чемоданчик и поспешил за майором.

Через посадочный рукав они прошли в пассажирский салон челнока, где равнодушная стюардесса усадила всех в кресла, велела пристегнуться и объяснила, что делать в случае перегрузок или сигнала о разгерметизации. Крашенный в серо-стальной цвет салон выглядел обшарпанным, сильно пахло табачным дымом, хотя везде висели предупреждения о том, что курить запрещено, причем на нескольких языках стран Варшавского Договора.

Сразу же включились информационные экраны и пошел ролик – виды марсианских лимонитовых пустынь, сопровождаемые бесстрастным голосом диктора: «Марс – четвертая по расстоянию от Солнца планета Солнечной системы. Принадлежит к планетам земной группы, обладает сравнительно малой массой, размерами и довольно высокой средней плотностью. Двигается вокруг Солнца по эллиптической орбите на среднем расстоянии 1,524 астрономической единицы. Линейный диаметр – 6800 км, то есть лишь немногим больше половины диаметра Земли. Тетраформирование не закончено, поэтому находиться на поверхности можно только в скафандре. Основные базы...»

Всё это Вентухов прекрасно знал еще по училищному инструктажу. Остальные пассажиры тоже не обращали внимания на ролик, к тому же изрядно устаревший: к примеру, после провозглашения независимости сепаратисты называли базы городами, и тот же принцип незаметно перешел и в официальные документы СССР, стран Варшавского Договора и других союзников. На одну из таких баз-городов, принадлежащую СССР – Новый Ярославль, – и летел сейчас лейтенант Вентухов.

Путешествие на «Маршале Ахромееве» было скучным и однообразным. Крейсер есть крейсер, развлечений здесь негусто... Небольшой бассейн с белесой, остро пахнущей дезинфекцией водой да офицерская столовая, по вечерам превращавшаяся в кают-компанию, куда допускались и пассажиры со звездочками на погонах. Еще имелся кинозал, где крутили ста-

рую дилогию о покорении Луны и пару кубинских военных фильмов. И то, и другое Вентухов смотрел еще в бытность курсантом.

В кают-компании Вентухов познакомился с пухлым старлеем, который вез на Марс пополнение. Звали пухлого Миша Бецкой; в челноке он вынужден был лететь вместе с солдатами во временно переоборудованном грузовом отсеке и до сих пор матерился, вспоминая:

– Прикинь, обезы эти там всё заблевали! Верещат по-своему, молятся, вонища...

Пополнение следовало из Фрунзе, что-то там строить. Бецкой сетовал:

– Что они им там понастроят?! Хрен они им понастроят! Ладно на Земле, котлован он еще выроет, а там? Скафандры же, техника безопасности другая совсем, инженерно-строительные машины тоже другие... Гребанулись они в своем Генштабе!

Сам Миша на Марсе уже бывал, и не раз, но с базы практически не вылезал. Он вообще был кабинетным работником, а строителей под свою команду получил совершенно случайно, будучи по делам в штабе округа. Узнав, что Бецкой «всё равно летит», ему и подсунили «блевунов». Конечно, там были еще два сержанта, но в полете толку от них оказалось ни на грош.

– Слушай, Серега, а давай я тебя с назначения вытащу, – доверительно произнес Бецкой, вернувшись к их столику с бутылкой молдавского белого портвейна.

– В смысле?! – не понял лейтенант.

– Ну, устрой так, что тебя со взвода переведут в штаб, например. Целее будешь. Не видал ты, что там творится...

– Нет, не пойдет, – решительно ответил Вентухов. – Взвод так взвод. И потом, не люблю я такие махинации, уж прости. Ты в итоге кому-то чего-то за это должен будешь, я соответственно – тебе... И понеслась.

– И хрен с тобой, – не обиделся Миша. – Хочешь воевать – значит будешь воевать. Еще и орден схлопочешь, если не убьют. Главное – в плен не попасть.

– Что, правду про плен говорят?

– Ты знаешь... – Бецкой помолчал, царапая ногтем бутылочную этикетку с веселым вислоусым селянином, поднимающим бокал. – То, что говорят, это полправды. Раньше-то ничего, плен так плен. А потом наши Грин-Олимп расстреляли орбитальными, а там – гражданского населения две трети. Никто не выжил. Ну и... разозлились они, короче... А, ладно.

Бецкой махнул рукой и разлил портвейн.

В кают-компании в основном сидели пассажиры. Свободные от вахт члены команды «Ахромеева», очевидно, предпочитали отдыхать в своих каютах. Те же, кто оставался или приходил после ужина, держались обособленно, в разговоры не встречали. «Марсиане» относились к офицерам ВКС несколько свысока: еще бы, космических сил у сепаратистов практически не было, и «Ахромееву», по сути, не грозила никакая опасность. То ли дело на поверхности, где шла безжалостная кровопролитная война. Правда, ходили слухи, что вот-вот те же Штаты тайно передадут Киммерии несколько боевых кораблей – вдобавок к довольно большому количеству истребителей, захваченных сепаратистами прямо в ангарах. Получив пару суборбитальных авиабаз, таких как шедший в караване «Партизан Джурич», они могли доставить серьезные неприятности.

– А знаешь, Серега... – начал было Бецкой, и тут «Маршал Ахромеев» вздрогнул всем своим полукилометровым телом, словно огромное животное, которого укусил овод.

Со столов посыпалась посуда, не укрепленная в держателях. Кто-то громко вскрикнул, один из танкистов возмутился:

– Эй, дрова везете, что ли?!

Никто ответить ему не успел. Истошно взвыла сирена, и механический голос с пугающим спокойствием заладил:

– Боевая тревога! Боевая тревога! Всем занять места согласно боевому расписанию! Боевая тревога! Боевая тревога! Всем занять места...

Члены экипажа крейсера тут же покинули кают-компанию, а пассажиры недоуменно переглядывались. «Ахромеев» снова вздрогнул, на этот раз более ощутимо. Молоденький вестовой, цепляясь за барную стойку, закричал:

– Авария!

– Чего нам делать-то?! – крикнул в ответ Бецкой, пытаясь спасти остатки портвейна.

– Товарищи, я полагаю, нам нужно вернуться в свои каюты, – побледнев, сказал майор-военврач. – Пусть военно-космические силы сами разбираются.

– Дело, – согласился с майором смуглый танкист. – Только горючку с собой заберу.

С этими словами он принялся вынимать из держателей бутылки, но не успел. Монотонный голос сменил пластинку. То ли бортовой компьютер просчитал ситуацию, то ли капитан сделал это и запустил соответствующую программу вручную, но динамики заговорили:

– Ракетная атака. Корабль поврежден. Всем пройти в спасательные модули согласно плану эвакуации. Ракетная атака. Корабль поврежден...

– Какая, к херам, ракетная атака?! – изумленно пробормотал Миша. – Какие модули?!

– Здесь должны быть спасательные модули. Такие капсулы.

– Где их искать?! Где этот хренов план эвакуации?! Ты его видел?

– В каюте, наверное, висит... Или в коридоре...

Вентухов отметил, что танкисты уже покинули кают-компанию, унося притом спиртное. Майор-медик держался за сердце. Один из чекистов в штатском поймал взгляд Вентухова и махнул рукой в сторону выхода:

– Модули на палубу выше, налево от подъемника! Давайте за нами!

Повторять ему не пришлось. Через минуту они уже были у подъемника, промчавшись по пустым коридорам под гулкой аккомпанемент: «Ракетная атака. Корабль поврежден...»

Подъемник не работал, и пришлось подниматься по трапам. Вентухов и Миша тащили майора, которому стало совсем худо. Чекист с размаху ударил кулаком по прозрачному щитку рядом с овальным люком; щиток разбился, чекист нажал красную кнопку, люк зашипел и мягко ушел в стену.

– Товарищи, товарищи... – слабо запротестовал майор. – Там ведь сказано было – согласно плану эвакуации. Может быть, это совсем не наш модуль...

– Перестаньте, майор! – скривился чекист, заглядывая внутрь модуля. – Пока мы будем согласовывать свои перемещения, крейсер взорвется.

– Может, всё еще обойдется? – нерешительно спросил Бецкой.

Чекист покачал головой и полез внутрь. За ним последовал майор. «Ахромеева» снова тряхнуло, пол под ногами поехал куда-то влево, постепенно становясь стеной, и Вентухов тоже поспешил занять место в модуле.

– Все здесь?! – крикнул чекист, озираясь. – Больше никого не ждем!

С этими словами он разбил точно такой же щиток, как снаружи. Люк закрылся, на небольшом табло побежали цифры от десяти к нулю. Потом модуль задрожал, всех прижало к полу, майор что-то жалобно закричал.

Вырвавшись из шахты, модуль оказался в космическом пространстве. Через небольшой иллюминатор видно было, как такие же спасательные модули отстреливаются от крейсера и разлетаются в стороны. В борту «Ахромеева» зиял огромный пролом, осыпаясь яркими искрами, неподалеку неуклюже маневрировал один из кубинских корветов. Вокруг мелькали хищные силуэты космических истребителей – МиГи, Яки и «Локхиды». Одни с югославскими красными звездами в синем круге – с «Партизана Джурича», другие – с красными кругами сепаратистов. Впрочем, долго разглядывать баталию Вентухов был не в силах: в ушах звенело от перегрузки. Он кое-как пристегнулся, найдя на стенке модуля фиксаторы, и закрыл глаза. Наверное, пилотам истребителей сейчас не до какого-то одиночного спасательного модуля... Но что дальше? Вроде бы модуль должен сориентироваться и сесть на Марс, а там их найдут...

Или не найдут? Да нет, там же есть маячки, системы экстренного вызова... А если они разобьются при посадке? А если попадут в плен? Хотя если засекут сигнал, то модуль могут подцепить еще на орбите, а там только наши и американцы. Стоп, уже не только – раз появились истребители Киммерии...

Перегрузки не снижались. Перед глазами запрыгали разноцветные звездочки, в ушах свистело, и лейтенант почти потерял сознание, когда неожиданно вдруг стало тихо и легко. Тело сделалось невесомым, чтобы почти сразу снова вернуться в привычное состояние – включились компенсаторы. Вентухов перестал размышлять насчет возможной судьбы модуля и открыл глаза.

– Пронесло, – с небольшим акцентом сказал второй чекист, который до сих пор молчал.

– Во избежание неясностей – командование я беру на себя, – произнес первый чекист. – Подполковник Львов, КГБ СССР. Это майор Гжеляк, Служба безопасности Министерства внутренних дел Польши.

Гжеляк коротко кивнул и обвел взглядом присутствующих, пристегнутых к фиксаторам. Модуль был рассчитан на двенадцать человек, соответственно занято было всего пять мест. А ведь кому-то могло не хватить места в другом модуле, подумал Вентухов, но тут же отогнал эту мысль. Да и всё равно перед стартом рядом никого не было.

– Игнатович, Леонид Павлович, – пыхтя, сказал военврач.

– Старший лейтенант Бецкой.

– Лейтенант Вентухов.

– Отлично, – почему-то обрадовался Львов и потер руки.

Он освободился от фиксатора и принялся шарить по полу, что-то отыскивая. Вентухов тем временем осмотрелся. Модуль представлял собой довольно тесное помещение круглого сечения, потолок, стены и пол которого были обтянуты пористой синтетической резиной оливкового цвета. Лейтенант отстегнулся и сел прямо на пол. Ничего, удобно...

– Вот он, – с удовлетворением произнес Львов и открыл квадратную крышку. – НЗ.

Он принялся вынимать из ниши банки и контейнеры. К подполковнику присоединился Бецкой.

– Так... – бормотал Миша, вертя пластиковый цилиндр, чтобы найти этикетку. – Вода питьевая, три литра. Это опять вода... А вот консервы саморазогревающиеся, «Каша рисовая с говядиной», Вильнюсский консервный завод имени Ленина... ого, двенадцать лет уже!

– Да кто их меняет, – отозвался майор. – Как заложили при постройке, так и лежат.

– Менять не меняют, а воруют – дай боже, – сердито сказал Миша. – Вон список: каши должно быть двадцать четыре банки, супа горохового с копченостями – тоже двадцать четыре, а тут каши десять и супа тринадцать. Сперли, суки. А спирта вообще нету, хотя положено один литр.

– Не век же нам тут болтаться, – успокоил Игнатович. – Вода есть, это самое главное. Без еды человек может прожить и две недели, и три. А вот без воды...

– Тут еще витаминный гель в тубиках есть. И сухари. Так, а вот я не понял, товарищ майор. Это всё еда, а как же обратный процесс, товарищ майор? Туалет здесь имеется?

– Имеется, – ответил вместо майора Львов. – Здесь всё в полу.

– Это, что ли?! – Бецкой открыл указанный майором лючок. – И как сюда?!

– Садись на корточки и гадишь, – пожал плечами подполковник. – Словно на природе. Хорошо в деревне летом... Там химические патроны, нейтрализуют запах. Но советую особенно часто не пользоваться, старлей, емкость невелика, насколько я помню. Да и вообще лучше лечь спать. И кислорода меньше расходуется, а он тут не бесконечный, и есть не так хочется.

– Это кому как, – проворчал Миша, но спорить не стал и улегся на пол поближе к кладовке с НЗ.

Кое-как расположились и остальные. Вентухов осторожно выглянул в иллюминатор, но увидел только черное небо с яркими точками звезд. Видимо, Марс был где-то с другой стороны модуля. Если только всё работает правильно и их не несет куда-нибудь в открытый космос.

– Не мельтеши, лейтенант. Ложись спать, – не открывая глаз, велел Львов.

И Вентухов послушно исполнил приказ.

«Подцепили» их на второй день.

Сидя на полу кружком, товарищи по несчастью выскребали из банок жирный «суп гороховый с копченостями», когда негаснущий свет под потолком мигнул и громко запищал зуммер. Подполковник отшвырнул банку и метнулся к стене, откинул очередной лючок и ткнул пальцем в сенсор.

– ... Мы вас видим, отзовитесь. Модуль три-двенадцать, вы живы?

– Живы, живы! – торопливо отозвался Львов.

– Нашли! – заорал Миша. – Ура, товарищи!

– Три-двенадцать, это сторожевой фрегат «Николай Кузнецов», мы вас давно засекли, но не могли выйти на связь. Сейчас постараемся вас подцепить и втянуть в шлюз. Может немного потрясти.

– Фигня! – крикнул неугомонный Миша. – Тяните скорее.

– Слава богу, – вздохнул военврач. – Я, если честно, очень волновался, товарищи. Нет, конечно, я верил, что нас ищут и скоро найдут, но все-таки, знаете...

– Советские Военно-космические силы своих не бросают! Эх, жаль, спирта нету...

– Сейчас вам спасители нальют, – с улыбкой сказал поляк. – Святое дело.

Снаружи что-то заскрежетало по корпусу, потом модуль задергался. В иллюминаторе всё так же чернело звездное небо, фрегат в поле зрения не попадал. После нескольких долгих минут тряски и подергиваний звездное небо сменилось металлической обшарпанной стенкой шлюза. На мгновение стало темно, потом в шлюзе зажегся свет.

– Ура! – снова завопил Бецкой. – Ура, товарищи!!!

– Поздравляю, – сдержанно сказал подполковник. – Кажется, для нас всё сложилось удачно.

Вентухову хотелось поскорее покинуть осточертевший всего за полтора дня модуль, но снаружи не торопились. То и дело что-то постукивало, потом снова ожил динамик:

– Разблокируйте входной люк, мы снаружи не можем.

– Секунду! – сказал Львов, повозился и доложил: – Готово!

Люк начал открываться. Подполковник одернул измятый костюм и приготовился докладывать, но в модуль тут же всунулись двое автоматчиков в непонятной форме. Между ними протиснулся коротко стриженный седой человек и приветливо произнес по-русски:

– Добро пожаловать на борт фрегата ВВС США «Оди Мерфи», господа.

– Н-не понял... – пробормотал Бецкой. – А как же...

– «Николай Кузнецов»? Не более чем маленькая военная хитрость. Да, меня зовут Джозеф Стейнбоу. Полковник Джозеф Стейнбоу. Я...

Договорить полковник не успел: сухо треснул выстрел, потом почти бесшумно прошестела автоматная очередь. Майор Гжеляк осел на губчатый пол, оплывая кровью и роняя небольшой пистолет. Стейнбоу с интересом покосился на пулевую отметину над верхней кромкой люка.

– Напрасно, – заметил он. – А вы лучше не трогайте оружие, сэр.

Последнее относилось к Львову, который нагнулся над товарищем. Поляк, несомненно, был мертв. Вентухову казалось, что всё это происходит не здесь и не с ним.

– Вы нарушаете все международные соглашения, – стоя на коленях, сказал подполковник. – Какое вы имеете право?!

– Насколько вы знаете, правительство Соединенных Штатов не поддерживает интервенцию Советского Союза на Марс.

– Но мы не находимся в состоянии войны! – выкрикнул Львов. – А вы только что убили офицера!

– Но ведь об этом никто не узнает, не правда ли? – всё с той же улыбкой сказал полковник. – Я сожалею об этом небольшом инциденте, но надеюсь, что он подтолкнет вас к разумному сотрудничеству.

Стейнбоу повернулся к кому-то и велел:

– Обыщите их, Дорган, разместите, и затем по одному – ко мне. Начнем с самого молодого.

Лейтенант Вентухов понял, что самый молодой здесь – он.

В сопровождении автоматчиков их обыскали, забрав из карманов все документы и личные вещи, и распределили по двухместным камерам. Точнее, это были специально освобожденные членами экипажа каюты – на переборках висели яркие голографические картинки с обнаженными красотками, спортивными глайдерами, видами морских курортов.

– Вот же с-суки! – процедил Миша Бецкой, которого заперли вместе с Вентуховым, и тут же принялся злобно сдирать картинки со стен.

Лейтенант не стал ему мешать – сел на аккуратно застеленную койку и некоторое время молча наблюдал за буйством сокамерника. Наконец Бецкой устал и уселся рядом.

– Чего с нами теперь будет? Как думаешь, Серега?

– Не знаю. Про нас ведь никто не знает.

– Не съедят же. Тоже люди.

– А кто меня пленом пугал?!

– Так то марсиане. А тут – америкосы.

– А если они нас им передадут?

Миша почесал затылок.

– Черт. Твою мать! Вот же попали! А я, дурак, обрадовался! «Ура, товарищи!» – орал... И они, падаль, так по-русски чисто болтали. «Николай Кузнецов», ты слышал?!

Дверь каюты неожиданно открылась, вошел улыбающийся негр в чистенькой белой форме. Он поставил на столик закрытый поднос и сказал (тоже на русском! все они тут, что ли, обучены?!):

– Это от полковника. Кушайте. Приятного аппетита.

Вентухов прикинул было, не огреть ли негра подносом, но в коридоре бдительно стояли автоматчики. Негр коротко поклонился и вышел, дверь снова закрылась. Бецкой тут же снял крышку и присвистнул:

– Фигасе! И даже пиво баночное... холодное! «Шлитц». Не пил такого.

Кроме пива, на подносе стояли тарелки с бифштексами, пюре и зеленым горошком, капустный салат, два маленьких кирпичика черного хлеба.

– Слушай, а если они туда чего-нибудь намешали? – заволновался Миша, почти уже собравшийся откупоривать пиво. – Просремся еще.

– А смысл? Данные они из нас и так вытянут, какие им нужно... Это у чекистов блоки стоят, кто-то мне рассказывал. А нам подсоединил к голове клеммы – и считывай. Другое дело, что мы не знаем ничего. Я только что из училища, ты – тоже не генерал...

– Тоже верно, – задумчиво сказал Бецкой. – Тогда зачем мы им?! Ладно, давай жрать, а то скоро на допрос потащат.

– С меня и начнут, – уныло кивнул лейтенант.

С него и начали, как и обещал Стейнбоу. Дождались, пока вся еда будет съедена (следили, видимо), и только тогда явились.

- Идемте со мной, сэр, – сказал давешний Дорган, первый лейтенант.
- Ни пуха, Серега! – напутствовал Бецкой.
- К черту, – буркнул Вентухов.

Стейнбоу ждал его в своем кабинете, или как он там называется на военном корабле. Радушно усадил в мягкое кресло. Помимо полковника, здесь находились еще двое, сидели на диванчике. Представлять их полковник не стал, да и не требовалось: оба капитаны, и нагрудные нашивки налицо – «Фрист» и «Браунбэк». В углу стоял звездно-полосатый флаг, на стене – портрет президента Нельсона, какие-то фотографии в рамочках, закрытая книжная полка.

– Я так понял, господин лейтенант, вы едва-едва окончили училище, – мягко сказал Стейнбоу, сложив руки на столе. – И поучаствовать в этой преступной военной операции не успели.

- Я следовал к месту службы, – не стал скрывать очевидного Вентухов.
- А как вы относитесь к вторжению Советского Союза на Марс?

– Советский Союз всего лишь пытается вернуть свою законную территорию, захваченную сепаратистами. Военные действия являются ответом на провокации и террористические акты. Прошу также учесть, что СССР и Соединенные Штаты не находятся в состоянии войны, и захват военнослужащих Вооруженных Сил СССР американским боевым кораблем является вопиющим нарушением всех международных договоренностей.

Училищный замполит Носов был бы доволен своим питомцем. Полковник Стейнбоу понимающе кивнул.

– А теперь попробуйте взглянуть на происходящее, временно забыв всю ту коммунистическую пропаганду, которой вас пичкали в Минске. На Марсе живут такие же граждане СССР и других государств Земли, как и вы. Живут и работают, причем уже много лет, там родилось целое поколение. И когда эти люди захотели независимости, причем вполне резонно, Советский Союз начал операцию вторжения.

– Во-первых, ее начал не Советский Союз, а те, кто был против вашей «независимости», – Вентухов уселся поудобнее, чтобы видеть всех троих американцев. – Во-вторых, сначала были теракты в Новом Подольске, Гагарине, Звездочке. По сути, сепаратисты и те, кто за ними стоит, – тут лейтенант многозначительно взглянул на Стейнбоу, – развязали преступную войну против своего же народа. Советский Союз и страны Варшавского Договора не могли остаться в стороне.

Капитан Фрист картинно зааплодировал. Тоже знает русский, собака, подумал Вентухов. Подготовились.

– Хорошо, допустим, – сказал полковник. – Сами понимаете, господин лейтенант, что ваше положение – хуже некуда. Но это ваши похороны, как говорят в Америке. В том смысле, что вам решать, как быть дальше. Никто не знает о судьбе спасательного модуля с крейсера «Ахромеев». Вы можете или глупо погибнуть – к примеру, если мы передадим вас киммерийской контрразведке, – или сохранить себе жизнь, всего-то подписав некое обращение и выступив для средств массовой информации.

– Какое именно обращение? – спросил Вентухов, понимая, куда клонит полковник.

– Обращение к гражданам Советского Союза, к вашим друзьям-военнослужащим. О том, что вы сознательно отказываетесь принимать участие в бессмысленной бойне, призвать их поступить так же, всё разъяснить. Взамен мы предоставим вам политическое убежище и работу на правительство Соединенных Штатов, скажем, в качестве консультанта Министерства обороны. Или какой-то другой структуры, если угодно. Хорошие деньги, дом, машина, глайдер.

– И жвачка.

– Что? – не понял полковник, а потом расхохотался.

Фрист молча поднялся и бросил на стол перед лейтенантом продолговатую разноцветную упаковку. На ней было написано «Орбит» и нарисован апельсин.

– Считайте, что это аванс, – сказал капитан.

Стейнбоу снова рассмеялся.

Вентухов сгреб со стола жевательную резинку и сунул в нагрудный карман.

– Я подумаю.

– Подумайте, господин лейтенант. Хорошенько подумайте.

Его привели обратно, а Бецкого увели те же автоматчики во главе с Дорганом, поэтому даже переброситься парой слов они с Мишей не успели. Оставшись один, Вентухов сорвал упаковку и сунул в рот пару ароматных белых подушечек. Ничего особенного, советская жвачка завода «Калев» почти ничем не отличалась. У американской даже вкус, казалось, теряется куда быстрее...

А ведь полковник прав, скотина такая, подумал Вентухов. Их всех, по сути, не существует. Сколько там погибло на «Ахромееве» – тысяча, две? Плюс-минус еще пять человек, кому это интересно. Модуль не нашли, явно не только с ними такая история приключилась. Впишут в потери, пришлют домой соболезнования, маме пенсию назначат за утерю кормильца... При мыслях о маме у лейтенанта навернулись на глаза слезы, и он сердито смахнул их рукавом, вспомнив, что где-то тут, скорее всего, есть камеры слежения.

Если его передадут марсианской контрразведке, это будет очень плохо. И очень больно.

Если он согласится... Что скажет мама?! Что скажут друзья, преподаватели в училище? Тот же подполковник Шереметьев, герой, в свое время выбиравшийся шесть дней с чужой территории, кое-как латая поврежденный скафандр, с перемолотыми в кашу ногами?! Это ведь не просто подписать бумажку – подпись можно и подделать. Это постоянное присутствие на экранах, вживую, это не подделаешь.

Интересно, кто-то согласится?

Львов – чекист, с ним они ничего не смогут поделать.

Майор? Тоже вроде человек старой закалки, хотя черт его знает.

Миша Бецкой? Старлей очень боится плена да и вообще какой-то скользковатый, хоть и симпатичный мужик... Обещал из действующей армии в штаб перевести...

Вентухов сидел в раздумьях и жевал ставшую совершенно безвкусной резинку, пока не привели сокамерника. Миша выглядел испуганным, даже как-то исхудал за прошедшие полчаса. Он сел на койку напротив, дождался, пока Дорган выйдет, и жалобно спросил:

– Серега, они тебя тоже вербовали?

– Ага.

– Слушай, я не хочу в шпионы...

– А я хочу?

– Так убьют же. Ты же слышал, что про сепаратистов говорят. А у меня жена в Кемерове, двое детей. Вовочка и Людка...

– А если ты всё сделаешь, как америкосы велют, то они тебя сразу к детям и жене в Кемерово отпустят?

– Не... – дошло до старлея. – Не отпустят.

– Я сам не знаю, что делать, Миш, – честно сказал Вентухов. – Пока тебя не было, сидел и думал.

– Тебе тоже дом предлагали и работу?

Лейтенант через силу улыбнулся:

– Я даже жвачку взял в качестве аванса. Угощайся.

Бецкой осторожно взял подушечку, осмотрел и сунул в рот. Жевнул пару раз.

– Говно какое-то, – буркнул он. – Таллинская лучше, которая «Калев».

Их вызывали к полковнику ежедневно в течение недели.

Разговор шел всё о том же: дом, машина, глайдер. Глайдер, машина, дом. Пообещали капитанский чин в армии США, Бецкому – майорский. Миша поднял вопрос о жене и детях, Стейнбоу пообещал приложить все усилия, чтобы тех не отправили в ГУЛАГ, а впоследствии отправили в Штаты.

– И ведь убедительно так брешут! – жаловался Миша. – Я в ГУЛАГ этот сам едва не поверил. И в то, что в самом деле потом ко мне привезут.

Однажды в коридоре Вентухов столкнулся с подполковником Львовым. Тот незаметно подмигнул лейтенанту. Подмигнул правым глазом – левый заплыл сплошным кровоподтеком. Видимо, хитрые научные штучки чекиста не брали, и американцы применили старые добрые средства.

– Послушайте, – сказал Стейнбоу, в очередной раз беседуя с Вентуховым, – время не ждет. Знаете такой роман Джека Лондона? Я в курсе, у вас его всегда переводили и издавали... Так вот, мое начальство недоволено и требует передать вас Киммерии. Разумеется, всё будет обставлено так, что модуль опустился на киммерийской территории, они-то и взяли вас в плен. Со всеми вытекающими последствиями. Как вы полагаете, Сергей (полковник давно уже звал лейтенанта по имени), вашей матери будет приятнее увидеть вас живым и здоровым? Или же сцену вашей публичной казни?

– В СССР мама меня всё равно увидеть не сможет.

– Мы можем это организовать. В обоих случаях.

– Хорошо, – неожиданно для себя сказал Вентухов. – Как всё это произойдет, если я соглашусь на ваши предложения?

– «Оди Мерфи», о чем вы, конечно, не знаете, давно уже пристыкован к орбитальной базе США «Иводзима», – с оживлением сообщил Стейнбоу. – Если вы согласитесь, с Земли срочно прибудет шаттл с журналистами и необходимой техникой. Сами понимаете, вся процедура должна быть тщательно зафиксирована.

– Понимаю.

– Вы спрашиваете из праздного любопытства или же в самом деле разум восторжествовал? – уточнил полковник.

– Да, – со вздохом сказал Вентухов. – Разум восторжествовал, сэр.

– Отлично! – обрадовался полковник. – Признаюсь, вы с самого начала производили на меня впечатление умного человека, лейтенант. Секундочку...

Стейнбоу нагнулся куда-то под стол и извлек бутылку с янтарного цвета напитком и два квадратных стакана с толстыми стенками.

– «Четыре розы». Кентуккийский виски. Я сам из Кентукки, знаете ли... Лед?

– Нет, не нужно, – ответил Вентухов, хотя читал в книгах, что виски обычно пьют со льдом.

– Правильно, – одобрил полковник. – Так лучше чувствуется вкус.

Он налил понемногу в стаканы и подтолкнул один к лейтенанту.

– За ваш мудрый поступок. Уверяю вас, вы не пожалеете.

Вентухов чокнулся с полковником и выпил одним глотком содержимое стакана. Выдохнул, поморщился.

– Непривычно? – с интересом спросил Стейнбоу. – Ничего, привыкнете. Хотя у нас в Штатах есть и русская водка. И местного производства, и ваша «Столичная».

– С этим я уж как-нибудь разберусь, – сказал Вентухов.

Как обычно, Мишу Бецкого вывели из камеры-каюты сразу же. Вернулся старший лейтенант ошарашенным.

– Ты что, Серега?! Серьезно?! – спросил он с некоторым испугом, плюхнувшись на койку. – А присяга как же... Тебя ж дома все проклянут. Родину предал...

– Я так решил, – сухо ответил Вентухов и лег ничком, уткнувшись в подушку.

Миша что-то тихо бормотал, недоумевая, но вопросами больше не донимал. Так, не разговаривая, они съели ужин, проспали до утра, а утром, после завтрака, Бецкого опять увели. На сей раз он отсутствовал куда дольше, чем всегда, и пришел обратно вместе со Стейнбоу. Полковник сиял.

– Поздравляю, – сказал он поднявшемуся ему навстречу лейтенанту. – Вы и господин Бецкой проявили похвальное благоразумие.

Вентухов мельком взглянул на старлея. Тот стоял с каменным лицом.

– Что ж, отдыхайте, сейчас вам принесут кое-что особенное, так сказать, подарок от меня лично... Чтобы отпраздновать скорую свободу.

– Разрешите вопрос, сэр.

– Да, господин Вентухов.

– Что с... с нашими товарищами?

– С вашими товарищами? – Полковник помрачнел. – Майор Игнатович скончался. Сердце. Наши врачи не смогли ему помочь, увы.

– А подполковник Львов?

– Подполковник с самого начала повел себя неправильно. Вчера вечером мы отправили его к киммерийцам. Что ж, человек сам волен выбирать свою судьбу.

Вентухов вспомнил, как Львов подмигнул ему в коридоре. Если бы только подполковник знал... А что, если ему успели вчера сказать, что лейтенант Вентухов стал предателем?! Скорее всего, сказали. Чтобы добить. Если такого человека можно вообще добить...

– Я вас оставляю, господа, – Стейнбоу вышел из каюты. Щелкнул замок.

– Согласился, значит, – Вентухов внимательно посмотрел на старлея.

– А чем я хуже?! Может, и не врут америкосы. И семью привезут.

– Надеюсь, ты всё правильно понял, Миша. Поступай, как я, и не ошибешься.

Бецкой, нахмурившись, посмотрел на лейтенанта.

– Ты... – начал было он, но Вентухов перебил:

– Сейчас нам принесут подарок от полковника, скорее всего, выпиваемый. За выпивкой и поговорим детально. Да, Миша?

– Д-да... – промямлил начинающий что-то подозревать старлей.

В каюту вошел радостно улыбающийся негр Майк, который обычно приносил еду. Он был в целом приятный, учтивый человек, иногда задерживался поболтать и посовершенствовать свой русский. Всерьез верил в белых медведей на улицах советских городов, спрашивал, умеют ли Бецкой и Вентухов играть на балалайках и чем они отличаются от банджо. Сейчас Майк принес бутылку виски «Четыре розы», как и ожидал лейтенант, а также лед и мясные закуски.

– Вот, – торжественно произнес он, ставя поднос на стол. – Угощение, господа офицеры.

– Передайте нашу благодарность полковнику Стейнбоу, – учтиво сказал Вентухов.

Взяв в руки бутылку, он сделал вид, что рассматривает этикетку, а сам краем глаза выглянул в коридор. Там никого не было – по крайней мере, в пределах видимости.

– Обязательно, сэр, – всё так же лучезарно улыбаясь, кивнул Майк.

Больше негр ничего сказать не успел, потому что лейтенант огрел его бутылкой по голове. Майк осел на пол, Вентухов бросил виски и крикнул Бецкому:

– Чего сидишь?! Уходим, пока они не прочухались!

– Но ты же... Как же... – залопотал старлей.

Вентухов схватил его за плечи и буквально вытолкнул в коридор. Там по-прежнему было пусто – американцы явно расслабились, когда пленные согласились на сотрудничество.

– Тут где-то должны быть катера или спасательные шлюпки, фрегаты ими оборудованы.

– Серега, ты с ума сошел?! Они же нас... они же...

– Пошли, придурок! – рявкнул Вентухов и побежал по коридору.

Помедлив, старший лейтенант бросился за ним.

Схем американских военных кораблей Вентухов, естественно, не знал. В ВКС их, конечно, тщательно изучали, но он-то был простым пехотинцем... Попытался сориентироваться по указателям – не получилось. Возможно, ангар находился на другой палубе. Размышлять было некогда, и Вентухов сориентировался по стрелке с надписью «Шлюз № 1». Поставившая и пытая, Миша бежал за ним.

– Зачем ты?! – увещевал он на бегу. – Мы же договорились!

– Ты что, поверил?!

– А почему нет?! – удивился Бецкой. – В самом деле, другого выхода ведь нету. Или ты хочешь, как Львов? Куда мы отсюда сбежим?! Стой!

Вентухов резко остановился, развернулся и схватил Бецкого за грудки.

– Ну?! Стою! Что?!

– Серега, давай вернемся... Извинимся... Ну, негра стукнули, за негра нам небось ничего не будет...

– Валяй, – Вентухов оттолкнул старлея. – Иуда.

Больше он не оглядывался и не видел, как Бецкой вздохнул, покачал головой и медленно пошел назад.

Лейтенанту везло – по пути ему никто не встретился. Видимо, пристыкованный к базе «Оди Мерфи» распустил часть команды в увольнения, а остальные были заняты на вахте. Но у самого шлюза везение изменило Вентухову – он наткнулся на капитана Фриста. Того самого, что вручил ему апельсиновую жвачку в качестве аванса за предательство.

Фрист удивился, никак не ожидая увидеть здесь стоворчивого русского. Лейтенант тоже не стал вступать в полемику, с разбегу врезав Фристу головой в переносицу, как учили старшие пацаны в уличных драках дома, в Витебске. Вскрапнув, капитан отлетел к переборке, стукнулся затылком о металл и сполз на пол. Из носа ручьем хлынула кровь.

Вентухов быстро обшарил тело и снял с пояса кобуру с пистолетом. Мощная машинка, реактивные пули, запасная обойма... Часового у шлюза она впечатлила – автомат брякнулся на решетчатую поверхность пандуса, рыжий малый выпучил глаза и забормотал по-английски, прося пощады. Вентухов ударил его рукоятью пистолета по голове – часовой упал. И тут взвыла сирена, почти так же, как на получившем пробоину «Ахромееве». Несомненно, побег был обнаружен. Или Бецкой, сволочь, доложил, или сами очухались...

Лейтенант и сам толком не представлял, что собирается делать дальше. В шлюзе могло находиться какое-то транспортное средство, на худой конец – скафандр с двигателем, на котором можно удрать довольно далеко. А там как получится. Хотя бы не плен, в конце концов... Поэтому Вентухов решительно нажал на пульте «Орел», и тяжелая дверь медленно поползла вверх.

В коридоре загомонили, и лейтенант для острастки выпустил туда короткую очередь. Перестрелка на космическом корабле – вещь малопредсказуемая из-за обилия рикошетов, и американцы на рожон не полезли. Затихли, потом раздался голос полковника Стейнбоу:

– Сергей! Остановитесь! Это бесполезно!

Вентухов в ответ выматерился.

– Это бесполезно! – повторил полковник. – Сдавайтесь! Вы не понесете никакого наказания, все наши договоренности остаются в силе! Я понимаю: нервный срыв...

Не обращая внимания на слова Стейнбоу, лейтенант на четвереньках пролез под дверь, поднялся и сразу нажал «Close». Дверь пошла вниз, опустилась, и Вентухов несколько раз выстрелил в пульт управления. Тот заискрился, защелкал. Скорее всего, теперь дверь нельзя было открыть снаружи. В любом случае какое-то время у лейтенанта имелось. Вентухов обернулся и увидел, что шлюз совершенно пуст.

– Фигня война... – пробормотал лейтенант и направился к шкафу для скафандров.

В самом деле, там стояли сразу два: желтый ремонтный и белый дальнего действия. Вентухов потащил белый и тут же обнаружил, что кислородные баллоны пусты. Схватил желтый – то же самое. Запасных баллонов в шкафу не было.

– Лейтенант Вентухов! – ожил динамик у двери. – Лейтенант, ваши действия бесполезны и бессмысленны! Сдавайтесь!

– Пошел ты... – Вентухов поискал динамик, нашел его и пристрелил.

Потом сел на пол у внешней двери шлюза, положив рядом пистолет.

– Вот и повоевал...

Неожиданно где-то сверху ожили моторы. Американцы, не став возиться с внутренним входом, решили проблему просто – открыли наружный. Можно было надеть скафандр и некоторое время продержаться на системе регенерации. Минут двадцать, полчаса... Но зачем? Вентухов дернулся было к шкафу и тут же снова сел. Он знал, что погибнет практически мгновенно, и жалел сейчас только об одном – он так и не увидел Марс.

Хотя, когда внешняя дверь шлюза открылась, лейтенанту показалось, что он успел увидеть огромный красный шар. А вокруг него – почему-то золотое небо и черные, немигающие звёзды.

Сергей Игнатьев Виски-фокстрот и Чиан-Ши

*Stop the cycle set me free, run away
Silence sneaking around my path
Wrap the rope off me, feeling like we'll fly.*
(*Lacuna Coil «Our Truth»*)

Чиан-Ши сидит на краю обрыва и смотрит вверх.

Ищет взглядом звезду-Полынь, но ничего не видно за высокой круговертью легкой белой крупы. Невесомые хлопья снега, мириады снежинок летят наискосок, ложатся на темные волосы с редкими прядями ранней седины, на бледное лицо, ложатся на ворсистое шинельное сукно, на поднятый воротник, на скрещенные ноги в высоких сапогах.

Снежные кристаллики серебрят защитного цвета погоны и петлицы. На них нет знаков различия, но пальцы Чиан-Ши, обтянутые замшей перчатки, автоматически перебирают крошечную оливковую эмблему для полевой формы. Всевидящее око, вписанное в треугольник. «Лучезарная дельта» в лавровом венке. Официальная эмблема пси-войск ВКС СССР.

Чиан-Ши сидит на краю обрыва и смотрит вниз.

Через долину тянется разъяренная колея, рваные грязные полосы на белом снежном теле. Лязгая гусеницами, тарахтя двигателями, выпуская клубы сизого дыма, бредет стальная саранча. С юга на север – подпрыгивают на ухабах тяжело груженные краулеры и харвестеры, громят гаубичные лафеты, тащатся разбитые, закопченные ракетные комплексы «Грач» и «Стриж», израсходовавшие свои заряды. Идут по колеям беженцы, кутаясь в дохи и телогрейки, пряча лица за защитными очками и кислородными масками, скрипят и жужжат разбитые киберы. Тягач тащит за собой по снегу и грязи трофейный штурм-мех «девастатор», с развороченным ускорителем и покореженными пушками – буксирная цепь обмотана вокруг несущей опоры, вторая опора согнута в «суставе». Кажется, будто это ожившая картинка из поэмы того слепого грека, которого проходили еще в командном училище: воин-победитель тянет за колесницей тело поверженного врага.

«Северные» отступают от пятидесятой параллели.

Навстречу отступающим, лязгая гусеницами, ревя двигателями, прут осадные танки «Большевик», вооруженные 90-миллиметровыми пушками. Плавно движутся снабженные воздушной подушкой маневренные транспорты «Медведица». Шагают мехкомплексы наземной поддержки «Плуг» и «Кувалда», целят в сыплющее снегом низкое небо многоствольными орудиями. Бесконечные колонны пехоты месят грязный снег. На них бронекостюмы и экзоскелеты полного профиля, лица скрыты забралами шлемов, в руках гаусс-винтовки «Тула-14», тяжелые плазмаганы и «шпагин-лазеры»... Пронесется над разбитой дорогой разведчики с джет-панками, реактивными ранцами.

«Северные» наступают на пятидесятую параллель.

– Прямо как на Гармшанце, – раздастся за спиной у Чиан-Ши досадливый скрипучий голос. – Мы, помню, первым эшелонам высаживались – вот так же почти мело, ни черта не разобрать. Шли на «мишках» по приборам, а потом на юберов нарвались лоб в лоб... и пошла потеха.

Чиан-Ши кивает.

Стоящий за его спиной командир десантников, позывной «Метла», думает, глядя на затылок Чиан-Ши: «И на черта нам сдался этот пень штабной? Сидит тут подснежником, рожа мрачная, весь неподвижный, как статуя комсомольца-космопроходчика. Как у него ноги еще не затекли, гребаный карась... Очередная крыса бюрократская, развели их немерено. И как

же, гребать-перегребать, колено ноет! От всей этой вьюги с метелью, долбаная шрапнель, долбаных юберзолей Лунного рейха сувенирчик памятный, мать их... взять бы увольнительную, уехать отсюда подальше, выпить не меньше ящика, плюнуть на всё это да завалиться спать до окончательного построения коммунизма, на тридцать лет и три года, как долбаный Муромец! Да поди ж ты, стой и жди указаний от этого хренатора гранитного, чтоб его...»

– Бывали там, капитан? – спрашивает Метла.

Голос его звучит спокойно, равнодушно.

Чиан-Ши улыбается, мысленно распуская «нить», позволившую ему заглянуть в мысли десантника.

– Инфотехником. При штабе двадцать четвертого округа планетарной обороны.

Метла недоуменно хмыкает. Он на своих «мишках» штурмовал как раз «двадцать четвертый».

– Это как же... Погоди, это кто у вас там главным был?

– Бригадфюрер Шиммель. После него – Ланг.

Десантник молчит и смотрит на непокрытый затылок Чиан-Ши, побеленный снегом и ранней сединой.

– Опять у вас нога ноет, Метла? – спрашивает Чиан-Ши, не оборачиваясь.

В голосе его никаких эмоций. Снежинки летят наискосок, замирают на его бледных щеках, не спешат таять. Он сидит неподвижно.

– Ноет, проклятая, – скрипит Метла. – Порадуешь чем, капитан?

Чиан-Ши отрицательно мотает головой.

– Из штаба есть новости? – спрашивает он.

– Мехи и шагоходы «южных» у пятидесятой. В Шихашоле десантировались амеровские рейнджеры и шестая тактическая дивизия Альянса. Закрутились колесики...

Чиан-Ши устало закрывает глаза. Вместо развороченной гусеницами снежной равнины, вместо хмурых колонн, отступающих от пятидесятой и наступающих на нее, – видит топографическую сетку, сплетение светящихся нитей, хороводы мерцающей пыли... Столбики заученных цифр, стрелки гипотетического движения и планируемого ответного развертывания войск. Всю свою вселенную видит – кружевом светящихся нитей, что сплетаются грандиозной сетью... Открывает глаза. Медленно оборачивается.

Стоящий позади него Метла, в противоположность старческому скрипучему голосу, выглядит его ровесником, не старше тридцати. Высокий, в тусклой десантной броне. Без шлема, снежинки ложатся на короткий рыжий ежик. Глаза прищурены, скрыты занавесью рыжих ресниц, рябоватая кожа – иссиня-бледная, проступают тончайшие голубые прожилки, складываются в смутный узор, по которому впору гадать, как по линиям жизни. Бледен, как покойник, думает Чиан-Ши, как и мы все.

– Понимаете, к чему дело идет, Метла?

– Ясен пень, если амеры за пятидесятку сунутся – Сфера Сопроцветания впряжется. Такое жариво будет, что тот Гармшанце нам песочницей покажется.

Чиан-Ши улыбается уголком рта, отворачивается. Смотрит вниз, на пересекающие заснеженную долину колонны.

– Указания? – спрашивает десантник.

– Только одно, – говорит Чиан-Ши. – Ждать.

Он сидит на краю обрыва и смотрит на падающий снег. Он слушает тишину.

Человек, забывший свое имя, пребывает в черной пустоте.

Одни и те же голоса звучат в его голове снова и снова, отдельные реплики сливаются в бесконечный монолог, смутный, полубредовый, знакомый до боли и навязчивый, чужой до тошноты:

...виски фокстрот, зис ис спайдер лидер, ви хэв тен плас чарли, хединг норт, вектор фри фри зиро, овер!

спайдер лидер, зис ис виски фокстрот, реторн ту бейз иммедиадли, ай репит, реторн ту бейз иммедиадли...

Голоса звучат снова и снова, заглушают его собственные мысли.

«Я один, в темной пустоте. Не могу вспомнить: кто я? Как попал сюда?»

Голоса проходят сквозь него и растворяются во тьме. Чаще других повторяются два слова: «виски фокстрот». Так часто, что кажется, будто они имеют какое-то отношение лично к нему. К тому «я», которое так необходимо восстановить, осознать и понять. К тому «я», которое потерялось в клубящемся мраке.

Голоса помогут вспомнить. Еще немного – и он вспомнит значение всех этих слов, и тогда черная пелена падет, и он вернется в реальность. Снова обретет себя.

Всё это продолжается бесконечно долго. Вокруг клубится чернильная тьма и звучат чужие голоса.

...зис из омаха лидер, булльдог флайт, тэнкс фо джойнинг ас, овер

Хиа ви гоу, омаха лидер, летс гет вос гайс...

Порой к нему приходят видения – яркие отрывочные картинки. Три образа ярче других:

...мигает свет, короткими вспышками озаряет салон транспорта. Застывшие, вцепившись в кресла, пассажиры. Чей-то крик. Всё крутится каруселью, только мерцание огней приборов подсказывает, где верх и низ, но они меняются местами снова и снова – безумная круговерть, пляска, хаос, и лишь привязные ремни не дают сорваться, а слева сыплют искры, и откуда-то сзади тянет едкой химической гарью и удушливым дымом. Мы падаем, падаем...

Грейвульф севен, зис из виски фокстрот, ду ю рид ми, овер

виски фокстрот, зис из грейвульф севен, го ахеад, овер

...так сложно ползти по этому ослепительно белому снегу. Ползти самому и тащить ее. Белая равнина идет под уклон, там, впереди – в зыбкой туманной дымке мнутся сизые силуэты гор. Надо спешить, позади воет пламя, и вот-вот рванут топливные баки. Позади остался раскуроченный, исходящий густым черным дымом остов транспортника «Гурон» с бело-голубой эмблемой ООН на обтекателе. Длинные тени от его покореженных, перекрученных в жгуты лопастей, всё еще падают на них – они ползут так невыносимо медленно. А сверху, из тумана, уже доносятся чужие голоса и хруст наста под тяжелыми подошвами...

...спайдер лидер, воч аут, воч аут, гукиз он йо тэйл

Рождер эт, виски фокстрот...

И третья картинка.

Девушка с темными волосами, подстриженными прямой челкой до тонких бровей. У нее очень удивленно-большие светло-серые глаза, вздернутый кукольный носик, на бледных скулах россыпь едва заметных веснушек. Поджимая капризные пунцовые губы, она ведет брифинг с тем легким пренебрежением, которое всегда появляется у «этих умников», когда им приходится что-то объяснять «этим воякам». Что-то про корабли забытой цивилизации, блуждающие призраки загадочной расы звездных бродяг, трампов. Всё это необходимо знать для предстоящей миссии, из-за того, куда они теперь отправляются. И всё это смахивает на параноидальный бред, но из ее уст звучит почему-то необычайно увлекательно...

...кавер май эсс, уеллоу-ту! Айм хит, айм хит! Лайт ап!

Виски фокстрот, ви нид иммидиа асистанс, ай репит, вин ид иммидиа асистанс, аут...

«Кто я?!» – беззвучно кричит он, и крик, теряясь в чужих голосах, тонет в черной пустоте.

– В конце концов, у них могла просто отказать связь, – говорит Метла, хрустя по снегу стальными каблуками высоких ботинок. – И понесло же в такую метелищу гребаную! Совершили аварийную посадку, пока ремонтные боты разберутся, пока то, пока се...

– Они были атакованы, – говорит Чиан-Ши. – Я знаю это наверняка.

– У пятидесятой сейчас полный хаос. «Южные», говорят, кучу самолетов потеряли. Поделом им, а то летают, офигевшие, как у себя дома. Может, и наш транспорт случайно под задачу попал?

– Точка, в которой мы потеряли связь с «Гуроном», находится за пределами зоны конфликта. Это не истребители «южных». Тут что-то другое, я точно знаю.

– Снова эти ваши тайны, а?

– Что вы имеете в виду?

– Бросьте, капитан... Эта ваша система, как же ее, «тенета»?

– «Тенета», – поправляет Чиан-Ши. – Извините, я не могу обсуждать это с вами. Это вопрос государственной тайны.

– Ну, еще бы, – кивает десантник.

«Тенета», думает Чиан-Ши, это пестрая пыль, паутина без паука, бессистемная и бескрайняя. И липкая, как жадные пальцы смерти. «Тенета» – система передачи и хранения информации, система связи, взаимодействие мириад электрических импульсов, сигналов и излучения. Эта сеть опутывает всю Вселенную, по нитям этой паутины скользят пси-спецы, в ней – истоки их могущества.

По заснеженной просеке, ведущей от обрыва, Чиан-Ши и Метла добиваются наконец до своего расположения.

Посреди выжженной мощными двигателями прогалины возвышается тяжелый транспортник «Челюскинец», развернутый в наблюдательный пункт. За ним сам собой вырос целый город: разборные казармы войск ООН, мобильные сборщехи, бесчисленные белые купола – модули полевого лазарета и временного лагеря. Их так много, но мест всё равно не хватает, а беженцы всё прибывают и прибывают, бегут от пятидесятой параллели, от огненной черты, разделившей планету.

Чиан-Ши, держась руками в перчатках за перила, поднимается по гремящим обледенелым ступеням. Шлюз с жужжанием расходится, выпуская наружу клубы густого пара.

По сравнению с тем, что творится снаружи, внутри наблюдательного пункта невыносимо жарко, душно. Кажется, тут настоящее пекло.

Узкое жерло коридора, запутанный лабиринт ходов, переплетения проводов и шлангов выводят Чиан-Ши к призрачному зеленому свету. Его источник – радарные сети на экранах, мерцающие точки измерительных стрелок, и цифры, цифры, цифры – мириады цифр.

Инфотехники привстают на креслах, приветствуя его, но он машет им рукой – продолжайте, продолжайте, не до формальностей.

Взгляд Чиан-Ши скользит по экранам, по картам, по проекциям рельефа местности.

Он ищет своего друга.

Затерявшегося среди снегов и льда, на передовой чужой необъявленной войны, между «северными» и «южными», между Западом и Востоком – в том широком, традиционном смысле, что в ходу уже тысячи лет. Не в географическом: на той войне, что идет теперь, география не ограничивается розой ветров. «Роза ветров» утратила свой смысл в космических войнах. Кроме одного, пожалуй, – она по-прежнему является символом их условного противника, Атлантик-Альянса.

Байтоушань, белой шапкой укрытая «гора», планета льда и снега. Разделенная надвое огненной чертой, пятидесятой параллелью.

На севере – анклав Паалганг, новорожденная красная республика с советскими военными советниками и советской военной техникой, условно-союзная Сфере Сопроцветания, прикрываемая с орбиты ее экспедиционным флотом.

На юге – протекторат Гиомжионг, владения транснациональной компании «Согум», рудники, робофермы и промышленные комплексы. Войска Атлантик-Альянса с резолюции ООН действуют там, на юге, пользуясь статусом «миротворцев».

Флот Сферы Сопроцветания висит над планетой дамочловым мечом. В дело вступить не торопится. Всё внимание их приковано к пятидесятой параллели. Если «южные» пересекут ее – Сфера вмешается. Флот вступит в бой, в Паалганге высадутся китайские десантники и «южных» с треском выбьют обратно за пятидесятую, а значит, под удар попадут «голубые каски» и тогда уже в дело вмешается Альянс. А уж если в дело вмешается Альянс, то и советское командование может больше не стесняться себя резолюциями ООН.

Мы не ограничимся присутствием военных советников и поставками оружия, думает Чиан-Ши, и в дело вступят наши ВКС. Подойдет к Байтоушань авианосец «Юрий Андропов», атакуют цели звенья вооруженных лазерными пушками и плазменными торпедами боевых крейсеров, двинутся на планету загруженные войсками транспорты, звенья МиГ-80 засыпят Шихашоль и Гиомжионг кассетными ракетами.

И начнется самый настоящий ад.

Фронт пройдет через Байтоушань, по пятидесятой параллели, и продолжится за ее пределами – в безбрежной черной пустоте, пронзенной мерцающими булавками звезд, в безграничной бездне, в вакууме, где с мрачной безмолвной торжественностью, в мертвой тишине сходятся и гибнут армады космических флотов.

Отсюда – и до самой Земли... Крошечная голубая планетка далеко-далеко отсюда. Планетка, поделенная на сектора, и каждый из них оцетинился на остальные, на соседей – острыми иглами МБР. Одно нажатие кнопки – и планета уничтожит себя, превратится в яркую вспышку света, в хороводы распыленных в вакууме частиц...

– Есть сигнал, – тихо говорит Чиан-Ши, указывая на один из экранов. – У нас есть сигнал!

Инфотехники поворачиваются к нему, смотрят, куда показывает капитан, и не верят своим глазам.

Южнее пятидесятой параллели, вдали от полыхающей стычками границы, вдали от цивилизации, среди заметенных снегом неприступных гор и хвойных чащоб, обители зверолодей-йети, на высоком утесе возвышается величественная постройка – нечто среднее между суперсовременным форпостом Альянса и древним азиатским замком. Посадочная площадка, капониры, лазерные установки ПВО и длинные ангары соседствуют с острыми, вздернутыми вверх концами шатровых крыш, просторными мозаичными террасами, башенками-пагодами, изогнутыми коньками на гребнях...

Еще в дни основания колонии руководство компании «Согум» планировало строить здесь пятизвездочный горнолыжный курорт для высокопоставленных сотрудников – «Гиомжионг Ски Резорт». Но строители столкнулись с непредвиденными трудностями. Проект был поспешно свернут, а на место рабочих «Согум» прибыли военные спецы Альянса.

Работы продолжились. Вместо загорающих с бокалом мохито клерков и их куклоподобных подруг, испробовавших все методы омоложения, – на широких террасах теперь разъезжают боевые киберы, дежурят облаченные в бронекостюмы солдаты, вооруженные гаусс-винтовками С-12 «рейзербек». На левом наплечнике брони у них – черный щиток с мечом и тремя молниями и надпись «Де опрессо либер». С правого наплечника скалится обвившая якорь рептилия, эмблема роты «Мискатоник» сил специального назначения Атлантик-Альянса.

Подо всем этим, в самом сердце горы, кипит жизнь. Мощные буры вгрызаются в породу, сверлят вечную мерзлоту. Пытаются добраться до укрытой в ней тайны. До причины, из-за которой тут так и не был построен курорт компании «Согум», а вместо отдыхающих клерков здесь обосновались военные инженеры и «зеленые береты».

За величественным безмолвием фасада отеля-крепости. Ниже его заснеженной крыши размером с футбольное поле, на которой статуями застыли фигурки часовых в силовой броне. Выше той настойчивой муравьиной деятельности, что ведут в недрах горы инженеры и бурильщики со своей техникой. В глухом подвале, за стальными дверями без маркировки, в черной пустоте, человек пытается вспомнить свое имя.

«Кто я?..»

Мешок стаскивают с головы. В глаза бьет яркий электрический свет.

В подвале кроме него трое. Тот, что стащил с головы мешок, стоит совсем близко. От него воняет потом, перегаром и яростью. На нем майка цвета хаки без рукавов, бугры мышц блестят бисеринками пота. От него исходит скрытая угроза. На лице – маска ухмыляющегося мышонка.

Пленник пытается вспомнить имя этого мышонка, которого парень по имени Дисней придумал пару сотен лет назад. Но память не подчиняется.

Рядом еще один. Сутулый, в униформе хаки без знаков различия. На нем маска веселой утки. Утку зовут Дональдом. Дональд Дак, вспоминает пленник. От Дональда «фонит» животным страхом. Пленник отчетливо чувствует его страх, но не может объяснить себе – почему? Пленник не знает, как ему удастся поймать это, считать код эмоций незнакомца. Но он уверен – человек в маске Дональда чего-то боится. Так странно... Чего ему бояться? Здесь?

Третий, в белом клеенчатом костюме медика, стоит чуть поодаль. У него маска пса. Кажется, пса зовут Плуту. И у этого третьего совсем нет «фона».

– Ты не особо разговорчив, да? – говорит пленнику «мышонок».

– Мастер-сержант, – говорит ему Дональд. – Ваши методы, похоже, не работают?

Он поворачивается к Плуту, ожидая от того реплики.

– «Пентотал-плюс» у нас остался? – говорит Плуту. – Или всё извели на девчонку?

Эта пренебрежительно брошенная фраза молнией раскалывает клубящуюся черноту, которая охватила человека-без-имени. Девчонка... о ком они ведут речь?

Игла входит в кожу, но он не чувствует ничего. Как не чувствовал ничего и прежде, пока потный здоровяк в маске мышонка охаживал его обрезком гофрированного шланга, орал на него, пытаясь хоть что-то узнать – его имя? Звание? Его задание? На кого он работает? Он не знает этого и сам. Ответы на эти вопросы проглотил мрак. Он ничего не чувствует. Будто все рецепторы отключились, будто вязкая паутина, мягкая вата оплела всё его тело, эти липкие тенета.

Стоп...

Тенета. Кажется, в этом ключ. Кажется, в этом ответ.

Он пытается ухватиться за него, как за спасательный круг, вынырнуть обратно в реальность, но под действием препарата, который вводит ему Плуту, вязкая клубящаяся темнота сменяется чередой картинок – ярких, пестрых, сводящих с ума... Человек-забывший-свое-имя проваливается в них, как в пропасть.

– Теперь пойдет лучше, – обещает застывшая глупая ухмылка Плуту.

– Гарантируете, доктор? – спрашивает Дональд Дак.

Мастер-сержант с сомнением хмыкает, оттягивая веко пленного. У того в глазах – мутная пустота. У сержанта свои испытанные методы, все эти игры «в доктора» ему не по душе, но с начальством не поспоришь.

– Саккони, оставьте его в покое! Дайте сыворотке поработать за вас.

– Так точно, полковник Хэнкс, сэр! – Мастер-сержант замирает возле пленного, заложив руки за спину и расставив ноги.

– Идиот, – бормочет про себя Дональд Дак, отходя в противоположный угол помещения.

Хэнкс стаскивает с себя дурацкую утиную маску (черт бы побрал инструкции этих штабных умников), берет из упаковки бутылку минеральной воды, скручивает крышку. Обернувшись, видит ухмылку Плуто. Тот следует за полковником, словно тень.

– Хотите воды, доктор?

– Благодарю, нет... Да, кстати о напитках. Этот лейтенант, командир рейнджеров, как его?

– Дрейпер. Лейтенант Джеффри Дрейпер.

– Вам уже доложили? Как только вернулся с операции, с места крушения «Гурона», заперся у себя с бутылкой скотча. Сидит там и поет песни кантри. Что не так с этим парнем?

– Послушайте, Удзамаки...

– Смею напомнить, сэр... доктор. Доктор Удзамаки.

– О'кей, послушайте, доктор. Эти ребята просто не привыкли играть в те игры, к которым привыкли мы с вами. Они просто солдаты, понимаете? Простые американские парни. Хорошие ребята.

– Не вполне понимаю. Один из ваших офицеров напился пьян и выказывает признаки служебного несоответствия. Подает солдатам дурной пример. Будь я на вашем месте, полковник, знаете, что бы я сделал...

– Господи, доктор! Все-таки хорошо, что вы не на моем месте. Мы сбили гребаный «Гурон» наблюдателей ООН. Дрейпера можно понять. У парня разорвало к чертям чердак, когнитивный диссонанс. Это же получается, что мы вроде как воюем тут сами с собой.

– Вы жалеете о своем приказе?

– Черт бы вас побрал, вы совсем не понимаете юмора?.. Нет, я не жалею о своем приказе. Наш Проект слишком важен, чтобы позволять этим гребаным бельгийцам совать в него свой нос.

– Почему бельгийцам?

– Ну а кто они? Штаб ООН разве не в Бельгии?

– В Нью-Йорке, полковник.

– Да бросьте! А что тогда в Бельгии? Международный трибунал?

– Уверяю вас, нет. Гаага находится в Нидерландах.

– Это что, город? Название прямо как кличка для лебедя. Хотите сказать, что она и впрямь существует, эта Гага? Кто-нибудь вообще бывал там?

– В свое время у меня была прекрасная возможность посетить этот город. Увы, в силу ряда причин, мне пришлось отказаться.

– Будь я проклят, это сейчас была ваша фирменная шутка? А в Нарнии вам бывать не приходилось?

– А там тоже филиал международного трибунала?

– Ха-ха-ха, а вы не промах, доктор.

– Благодарю, полковник.

– Ладно, доктор... Давайте немного подождем и узнаем, бельгиец этот парень или гребаный гаагец или действительно прилетел к нам на своем «Гуроне», с подружкой и приятелями-покойниками прямиком из Большого Яблока. Сыворотка нам всё расскажет, верно?

«Кто я?» – вот главный вопрос.

Ему грезится, что он идет по дороге из желтого кирпича. Сквозь широкие плиты цвета охры проросли побеги высокой травы. Шелестит ветер, гонит по дороге колючие шары перекасти-поля.

Он идет по этому пути так давно, что успел позабыть собственное имя.

...*Виски фокстрот зис из альфа майк уан, контакт, сэй эгейн, контакт, реквест файр мишин, овер*

Альфа майк уан, зис из виски фокстрот, шат аут энд он зе ран, вил контакт ю ин твенти майкс, аут...

В сумрачном небе парит неведомая луна – расчерченная слоями-полосами, величественная и надменная. Он не помнит ее имени.

Помнит лишь – алый кумач, что плещется на фоне плачущего серого неба. Алый становится багровым, багровый – фиолетовым, фиолетовый – голубым. Краски меняются, смешиваются.

Пестрая зелень садов и сверкающие зеркальные плоскости, статуя над цветником – фигура в громоздком скафандре, с нелепым шлемом-аквариумом в одной руке, а на нем буквы – С.С. С. Р. – переливаются синевой сапфира, фиалковыми искрами аметиста, изумрудной зелены и агатовой чернотой, алым светом карбункула и оливковым мерцанием хризолита...

Сотни, тысячи, мириады цветов – вот яркая гвоздика на сером граните, а вот нежный нарцисс, вот неприхотливый полевой василек, а вот тропически-томная пальма.

...Бульдог сикс, зис из виски фокстрот, вот из йор статус, овер

Виски фокстрот, зис из бульдог сикс, статус грин, стэнд бай фор э чекл. Ай чекл эхо, чарли, лима, эхо, сиерра, чарли, брейк. Но чарли фаунд, овер...

Причудливое существо скачет ему навстречу, высекая копытами искры из желтых камней – кентавр или полкан, а может быть, гиппогриф, оно спрашивает раскатистым полифоническим голосом, будто бы составленным из множества голосов, мужских и женских, молодых и старых: «Куда куда куда ты держишь путь?!»

«К звездам», – отвечает он.

«Для чего для чего...?»

«Для чего ты пересек море и паруса твои разорвал ветер?» Он ищет ответа, но не может найти.

«Для чего лез в горы, цепляясь за скользкие камни?» Он ищет ответа, но не может найти.

«Чего ты ищешь?» «Я ищу огненную пыль, – вспоминает он. – Вот что я ищу...»

«Неужели ты забыл, что нигде ее не найти тебе, кроме как в себе самом?»

Кентавр-гиппогриф скрывается в тумане так же стремительно, как появился, а человек-без-имени продолжает свой путь. Он идет – но куда? Звезды подмигивают ему с небес. Крошечные холодные огоньки. Напоминают о чем-то простом и важном – что девичьи губы сладки, а вино терпко, дурманит ароматом цветущего луга, освежает холодом родниковой воды...

«Чего ты хочешь от мира?» – спрашивает гиппогриф, нагоняя его, возвращаясь туда, откуда отправился в путь, в своей бесконечной скачке.

«Лишь хочу лучше узнать его».

«Неужели не знаешь ты, что главное в мире – ты и такие, как ты. Люди, его населяющие. Создают мир, воспринимая его своими чувствами, познавая его, пропуская через себя. Они делают его живым».

«Я верю в людей, – отвечает он, – верю...»

Бесконечная степь вокруг него полыхает пламенем. Юркие саламандры, блестя золотой чешуей, переливаясь черными узорами, мелькают в огне.

...Виски фокстрот, зис из редлег, го ахеад, овер

Редлег, зис из виски фокстрот, реквестинг файр мишин ат мэн координейтс зиро зиро севен файв ту зиро фор фор уан сикс, дрон уан раунд хи энд ай вилл эджаст, овер...

Где где где искать смысл? В ветхих трактатах, в пламени пожарищ, в резных сводах храмов, в бурлящих ретортах... В безумном шепоте спальни? В безумном реве атакующих воинов? В величественном эхе, что гуляет под высокими мраморными сводами? Вся жизнь превращается в бесконечный штурм, в войну с обедами по расписанию, а потом оказывается, что

это война против теней, и все твои победы – только тени побед. Это вязкая паутина, это тугие сети, это тенета...

Можно повести за собой толпу. Можно сгореть, летя на свет. Можно сочинить самую совершенную мелодию. Самые мелодичные стихи. Нарисовать картину, которая будет заключать в себе всю мудрость прошедших эпох. Можно всё, что угодно, и даже больше.

*...чарли папа, зис из виски фокстрот, ду ю рид ми, овер
виски фокстрот, зис из чарли папа, го ахеад, овер...*

Можно всё, кроме одного – выбраться из этой паутины, составной частью которой ты являешься. Потому что это танец миражей на тонких светящихся нитях, и самые яркие звезды – лишь бисеринки на этих нитях, составная часть этой паутины. Это тенета...

«Я вспомнил!»

Он вспомнил свое имя. Старший лейтенант Молитвин, пси-войска ВКС ССКР, вспомнил, как очутился здесь. Вспомнил ответы на все вопросы. Вспомнил, что должен делать.

Ответ универсален, и звучит он так: «Тенета».

Чиан-Ши и инфотехники, затаив дыхание, смотрят на экран, по которому ползут кривые столбцы цифр. Вроде бы никакой системы, кажется, что электроника сошла с ума, что кто-то взломал линию передачи. Отчасти это правда.

Командир десантников, позывной «Метла», заглядывает в помещение, пригибая бритую голову, чтобы не задеть за низкий потолок шлюза.

– Что у вас, капитан?

Чиан-Ши и его инфотехники отрывают взгляды от монитора, смотрят на него непонимающе, как на человека, который ввалился на торжественный прием, нарядившись в противогаз, балетную пачку и резиновые сапоги.

Метла смотрит на их лица в мертвенном зеленом сиянии мониторов, на блестящие глаза, и в который раз ловит себя на мысли, что ни хрена ему не понять в этих пси-спецзах с их заморочками, тайными кодами, собственной строгой этикой и всем прочим, и скорей бы дали уже приказ выдвигаться, потому что сколько можно торчать на этом снегом заметаемом, богом забытом утесе, и когда уже они получают сигнал, которого так ждут.

– Мы его получили, – Чиан-Ши смотрит ему в глаза. – Получили сигнал.

Метла понимает только теперь – вполне возможно, что в течение всего недолгого времени их общения этот странный человек, в шинели без знаков различия и с ранней сединой, читал его мысли.

– Мы получили сигнал, – повторяет Чиан-Ши и улыбается какой-то детской, счастливой улыбкой. – Он вышел на нас напрямую, через «тенета»... Ну, не сумасшедший ли?

У него такой радостный вид, будто сейчас пустится в пляс.

– Дайте линию с «Андроповым», – говорит Чиан-Ши одному из инфотехников. – Запрос на штабной спецканал. Код «Кузина шлет поцелуи».

– Так точно, товарищ капитан, – инфотехник водит пальцами по сенсорам, беззвучно шевеля губами, вглядывается в мониторы.

Слышится шипение и улюлюкание, сквозь дрожащую сетку помех на одном из мониторов проступает черно-зеленое изображение. Ничего не разобрать на нем, лишь угадывается в черно-зеленой мути, в ряби помех, силуэт человека в наушниках. Рядом с ним появляется еще один.

– Мамонт, я Чиан-Ши, кузина шлет поцелуи.

– Я Мамонт, принимаю.

– Запрос на спецканал.

– Даю спецканал, – прорывается сквозь шум помех.

Шум становится сильнее, изображение на экране полностью пропадает. Остается лишь мерцание зеленых точек и полос. И голоса:

– Чиан-Ши – Мамонту. Получили сигнал от Молитвина, место крушения «Гуруна». Цель обнаружена, как поняли?

– Вас понял, цель обнаружена. Координаты?

– Молитвин дает координаты по сетке Альянса. Повторяю, по сетке Альянса – Виски Фокстрот, три-один-четыре-четыре-ноль, два-пять-семь-ноль-ноль... Как поняли меня, Мамонт?

– Вас не понял, Чиан-Ши, почему по сетке Альянса?

– Молитвин вышел через «Тенета». Его удерживают на объекте. Возможно наличие гражданских со сбитого «Гуруна». Прошу вашего разрешения на спасательные мероприятия.

Время растягивается разогретой резиной – невыносимо долгие мгновения, и вот сквозь шипение помех:

– ... Ребров, ты уверен? Понимаешь ответственность?

– Уверен, Олег Фомич... Разрешите действовать? Ответственность беру на себя.

– Чиан-Ши, я Мамонт. Спасательную операцию разрешаю, как понял меня?

– Понял вас, Мамонт. Приступаем к операции.

Метла ловит взгляд Чиан-Ши, тот кивает.

– Мы готовы, – говорит командир десантников. – Я и мои ребята готовы.

Полковник Хэнкс смотрит на пленного со смесью усталости и глухого раздражения.

Всё это очень не вовремя, думает он. Теперь, когда мы так близки к нашей цели. Теперь, когда у нас на руках оказался – самый заветный – законсервированный во льдах, идеальный образец. Появляются эти наблюдатели ООН, или на кого они там работают. Эта девчонка, этот бледный тип, который сейчас прикован к решетке и которого трясет мастер-сержант Саккони, пытается разбудить.

Хэнкс смотрит на своего особого консультанта.

Проект «Юкикадзе» – то, из-за чего они оба здесь, их совместное детище. На Большой земле, в надежном сейфе, старой, доброй железяке – никакой электроники, только толстые стальные стенки и верньеры цифрового механического шифра – у полковника Хэнкса хранится досье на этого человека. Если его, конечно, можно назвать человеком.

Доктор Масаси Удзамаки. Во время Экспансии Сферы Сопроцветания командовал в экспедиционных войсках особым отрядом за номером 732. Официально они назывались «Главное управление по водоснабжению и профилактике Экспедиционных сил». Профилактикой они тоже занимались. Но в основном – испытаниями новейших образцов вооружений. На пленных, на колонистах окраинных планет.

Полковник Хэнкс отводит взгляд:

– Что думаете, доктор? Похоже, и сыворотка на этого парня не действует... Вы же мой консультант. Консультируйте меня, валяйте.

– Я думаю, нам нужно прекратить работы и эвакуировать персонал на Большую землю.

– Что?! Вы в своем уме?

– Вы спросили, я вам ответил.

– Мои бурильщики почти добрались до этой гребаной посуды. А вы предлагаете мне свернуть проект? С какой стати?!

– Вы же в курсе, что ваши соотечественники перешли пятидесятую параллель?

– И что?

Доктор Удзамаки улыбается.

– Начнется война, полковник, – говорит он. – Неужели вы не чувствуете? Ее сладкий запах, ее терпкий привкус разлит в воздухе. Это невозможно спутать ни с чем. Ничто не слаще.

– К нашему проекту это не имеет отношения. К НАШЕМУ, доктор, я подчеркиваю. Я ценю ваш вклад...

– НАШ проект обречен на неудачу. Трампы не сдают свои секреты. А когда в дело вмешаются Советы...

– Я не ослышался? Они-то тут при чем? До ближайшей их колонии...

Удзамаки указывает на пленного. Саккони трясет его, ревет, брызгая слюной: «Как тебя зовут? Имя? Звание? Номер части? Имя, мать твою! Номер части! Звание!» И так по кругу. Хэнксу этот мясник уже поперек горла встал, от таких сплошная мигрень. Совершенно никакого воображения, гора мышц и мозг размером с грецкий орех.

– Думаете, он работает на Советы?

– Я в этом убежден, полковник.

– Не хотите подключиться к допросу? Я слышал у вас большой опыт по этой части. С вами у нас, безусловно, дело пошло бы быстрее.

– Благодарю за столь высокую оценку моих профессиональных качеств, полковник. Но я вынужден отказаться. Это не моя компетенция. Я здесь выступаю исключительно как консультант.

– Так консультируйте меня, доктор, давайте-давайте! Послушаю с удовольствием.

– Вам приходилось слышать о советских пси-войсках?

– Ха-ха-ха!

– Отчего вы смеетесь?

– Ну конечно! Советские пси-войска... Резонаторы Гельмгольца и башни Чижевского. И танки «Тесла»... На Большой земле у нас есть целый отдел, занимается расшифровкой и систематизацией всей той дезы, которую нам гонит МГБ. На девяносто восемь процентов – полная чушь. Кто ее только выдумывает? Наверное, это их Политбюро, старые маразматика, когда проводят время в бане с девочками и водкой.

– У Советов действительно есть пси-войска.

– Ну конечно... Вы хотите сказать, что этот паренек пси-спец?

Удзамаки улыбается.

– Ну-ну, – говорит Хэнкс. – Тогда почему он до сих пор не подчинил наши сознания и не заставил перестрелять друг друга? Не поджарил наши мозги, как гребаный омлет? Не расковал усилием мысли свои кандалы и не раскрыл все двери и не улетел благополучно к своим медведям?

– Полагаю, он придерживается своего задания. Как поступил бы, без сомнения, любой из нас на его месте.

– Продолжайте.

– Очень просто. Он наводит на нас своих друзей.

Полковник Хэнкс раздумывает, глядя в глаза-щелочки своего консультанта.

– Они не посмеют сюда сунуться, мы за пятидесятой параллелью!

– Напомнить вам юридический статус объекта? Эти территории – собственность «Согум», а значит, входят в юрисдикцию «миротворцев».

Полковник, дернув щекой, оборачивается к Саккони:

– Мастер-сержант, приведите сюда девчонку!

Вязкая серая хмарь, расцветенная всполохами переливающегося «северного сияния», радужными полотнами, превращается в клубящуюся черноту.

...Редлег зис из виски фокстрот эджаст файр ап твенти райт тен энд файр файв раундс хи фор эффект, овер

Виски фокстрот, зис из редлег, роджер зэт, овер...

Черноту эту пересекают мириады пульсирующих цветных нитей – ярких, четких. Эта цветная паутина, висящая в черной пустоте, – то, что мы называем «тенета».

По этим пульсирующим нитям-венам совершается переход, происходит великое превращение. Тот, кто прошел через это, никогда уже не будет прежним.

...Скайларк, зис из виски фокстрот, конфирм позиши, овер

Виски фокстрот, зис из скайларк. Стэнд бай фор а чекл. Ай чекл папа, икс рэй, виктор, чарли, танго, сиерра, танго, ромео, браво, овер...

С самого начала это был путь, с которого не сворачивают. Путь во тьму, глубоко и вниз. Но даже на этом пути есть свои верстовые столбы. Так удобнее.

Знать, насколько далеко ты ушел от того, кем был прежде. Знать, сколь длинный путь отделяет тебя от того, прежнего тебя. От человека до пси-спеца.

Мириады ярких искр, светящихся точек роятся во тьме, складываясь в сети «тенета».

Эти крошечные звездочки напоминают Молитвину о том, что выбила из его памяти контузия. «Гурон» комиссии Объединенных Наций, в котором ему посчастливилось лететь в качестве приглашенного специалиста (жест доброй воли между сторонами «холодной войны», подтверждение курса на разрядку, взятого Партией), вышел на цель. Они ловили сигналы всю неделю. Характерное излучение, та периодичность, при появлении которой, если дело происходило в секторах космоса, подконтрольных Советам, в дело сразу же вступали специалисты МГБ, и всё укрывал плотный туман секретности.

Корабли-бродяги, Блуждающие корабли – они не успели еще определиться с термином. В Альянсе и Сфере называли их «трампами», условное обозначение для гипотетической цивилизации, построившей эти крейсера. Корабли трампов были единственным доказательством того, что во Вселенной существует разумная жизнь за пределами Земли и ее колоний. При контакте с ними в открытом космосе они неизменно уходили от пеленга, растворялись в вакууме, будто миражи. Если исследователям чудом удавалось подобраться слишком близко, то вступал в действие механизм самоуничтожения. Немые крейсера, в силуэтах которых чувствовалась некая неприятная глазу чуждость, нечеловеческие пропорции, превращались в яркие вспышки белого света. Вспомогательным дронам не удавалось собрать даже мельчайших частиц. Согласно одной из гипотез, корабли эти никем не управлялись, это были исследовательские зонды, согласно другой – дрейфующие среди звезд пустотелые «летучие голландцы», покинутые экипажами, мертвые осколки погибшей цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.